

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

НАСЛЕДИЕ
АТЛАНТОВ

Эдуард Сероусов
Наследие Атлантов

«Автор»

2025

Сероусов Э.

Наследие Атлантов / Э. Сероусов — «Автор», 2025

В водах Бермудского треугольника научная экспедиция обнаруживает древний город, скрытый на глубине океана тысячи лет. Когда необъяснимые происшествия и загадочные трансформации начинают охватывать команду, бывший морской котик Алекс Рейнер и биолог Елена Морозова сталкиваются с ужасающей правдой: пробужденная технология древней цивилизации атлантов запустила процесс насильственной эволюции человечества в водных существ. В гонке со временем они должны противостоять одержимому ученому, жаждущему контролировать эту мощь, и найти способ остановить процесс трансформации, не уничтожив уникальное наследие исчезнувшей цивилизации. Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

© Сероусов Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1: «Сигнал из глубины»	5
Глава 2: «Первый контакт»	16
Глава 3: «Под давлением»	37
Глава 4: «Изменения»	55
Глава 5: «Погружение»	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Эдуард Сероусов

Наследие Атлантов

Глава 1: «Сигнал из глубины»

Научно-исследовательское судно «Посейдон» разрезало темно-синие воды Бермудского треугольника, оставляя за собой пенный след. Закатное солнце окрашивало облака в оттенки алого и золотого, превращая горизонт в полыхающую границу между двумя мирами.

Доктор Елена Морозова стояла на носу корабля, позволяя соленым брызгам оседать на коже. В свои тридцать четыре она уже заработала репутацию одного из ведущих морских биологов в области глубоководных экосистем. Подтянутая фигура, короткие темные волосы, привыкшие к морской воде, и внимательные серо-голубые глаза выдавали в ней человека, который больше времени проводит в экспедициях, чем в академических аудиториях.

Очередной порыв ветра заставил ее глубже запахнуть легкую куртку с эмблемой Океанографического института на рукаве. Десять лет назад, будучи студенткой и впервые выйдя в море на исследовательском судне, она не могла представить, что окажется здесь – в самом сердце легендарного Бермудского треугольника, участвуя в экспедиции, официальной целью которой был сбор данных о влиянии климатических изменений на глубоководные течения.

Неофициальная цель была известна лишь нескольким членам экипажа, включая саму Елену. Аномальные показания, зафиксированные спутниками над этим районом, и странные сейсмические всплески на большой глубине привлекли внимание не только Океанографического института, но и анонимного спонсора, обеспечившего половину финансирования экспедиции.

– Мечтаете о русалках, доктор Морозова? – раздался голос капитана Ричардсона за ее спиной.

Елена обернулась. Высокий мужчина с обветренным лицом и седеющей бородой выглядел воплощением классического образа морского капитана, если бы не современная форма и электронный планшет в руке.

– Скорее размышляю о странном поведении дельфинов, которое мы наблюдали сегодня утром, – ответила Елена. – Направление их миграции полностью противоречит сезонным паттернам. Такое ощущение, что они... избегают чего-то.

Капитан поджал губы.

– В этих водах всегда происходит что-то странное. Недаром место заслужило свою репутацию.

– Вы не похожи на человека, верящего в сверхъестественное, капитан, – улыбнулась Елена.

– Двадцать пять лет в море научили меня одному – всегда есть логическое объяснение. Просто иногда мы еще не достаточно умны, чтобы его найти. – Он протянул ей планшет. – Взгляните на последние данные с глубинных сонаров. Наши специалисты в замешательстве.

Елена пролистала несколько графиков и остановилась на трехмерной модели морского дна. Красные точки, обозначающие аномальные температурные показатели, формировали почти идеальную окружность диаметром около двух километров на глубине более 800 метров.

– Это не может быть естественным образованием, – пробормотала она.

– Именно. Доктор Чан считает, что это может быть связано с вулканической активностью, но...

– Но вулканов в этом районе нет и не было, – закончила за него Елена.

– Именно. – Капитан забрал планшет. – Совещание через тридцать минут в конференц-зале. Будут присутствовать все руководители групп.

Конференц-зал «Посейдона» представлял собой компактное, но хорошо оснащенное помещение в центральной части судна. Когда Елена вошла, большинство мест уже было занято. Она заметила доктора Ли Чана, геофизика, увлеченно спорящего с гидрологом Сарой Паркер, в то время как метеоролог Макс Вольф что-то быстро набирал на своем ноутбуке, не обращая внимания на окружающих.

Руководитель технической службы Дэвид Коэн настраивал голографический проектор в центре стола. Его пальцы слегка подрагивали – признак, который Елена научилась замечать за две недели экспедиции. Бывший военный инженер скрывал свою нервозность за маской профессионального спокойствия, но мелкие детали его выдавали.

Елена заняла свободное место рядом с Джессикой Тэйлор, руководителем группы гидроакустиков и близкой подругой еще со времен докторантуры.

– Слышала новости? – шепнула Джессика, наклонившись к Елене. – Все системы связи работают с перебоями последние два часа. Коэн говорит, что это из-за магнитной аномалии, но я никогда не видела, чтобы магнитное поле влияло на оптоволоконные системы.

Елена нахмурилась. Такое развитие событий было тревожным. «Посейдон» был оборудован по последнему слову техники, включая автономные дублирующие системы связи и навигации.

– Интересно, это как-то связано с сейсмической активностью?

– Возможно. Но есть кое-что еще, – Джессика понизила голос. – Мои пассивные гидрофоны зафиксировали что-то странное. Звук, который не соответствует ни одному известному морскому существу или геологическому явлению. Он появляется и исчезает, пульсируя с интервалом примерно в 47 секунд. Почти как... сигнал.

Елена не успела расспросить подробнее – в помещение вошел капитан Ричардсон в сопровождении высокого седовласого мужчины в безупречном сером костюме, который выглядел неуместно на исследовательском судне.

– Дамы и господа, – начал капитан, – позвольте представить доктора Виктора Хааса, представителя нашего основного спонсора.

По комнате пробежал шепоток. О существовании спонсора знали все, но его представитель появился на борту впервые с начала экспедиции.

Доктор Хаас окинул присутствующих внимательным взглядом. В его осанке и манере держаться чувствовалась властность человека, привыкшего командовать. Несмотря на возраст – Елена оценила его лет на шестьдесят – он выглядел подтянутым и энергичным.

– Рад познакомиться с командой, которая, возможно, стоит на пороге величайшего открытия в истории человечества, – произнес он с легким акцентом, который Елена не смогла определить. – Особенно приятно видеть здесь доктора Морозову, чьи работы по адаптации морских организмов к экстремальным условиям произвели на меня большое впечатление.

Елена удивленно подняла брови. Ее исследования касались узкой специализированной темы и вряд ли были известны за пределами академических кругов.

– Но перейдем к делу, – продолжил Хаас, кивнув Коэну. – Покажите, пожалуйста, последние данные сканирования.

Над центром стола возникла голографическая проекция морского дна. Трехмерная модель медленно вращалась, демонстрируя необычный круговой паттерн тепловых аномалий.

– За последние шесть часов интенсивность тепловых сигналов увеличилась на 27%, – сообщил доктор Чан, указывая на красные точки. – Кроме того, появились странные магнитные возмущения, которые, вероятно, и вызывают сбои в наших системах.

– Что еще более удивительно, – добавила Сара Паркер, – мы зафиксировали изменения в составе воды на глубине около 500 метров. Увеличение концентрации редкоземельных элементов и неизвестных органических соединений.

– Органических? – переспросила Елена. – Вы проверяли их ДНК?

– Предварительный анализ показывает наличие нуклеиновых кислот, но структура не соответствует ни одному известному виду, – ответила Сара. – Для более детального исследования нужны специализированные лаборатории на берегу.

– Или более глубокое погружение, – вмешался доктор Хаас. – Капитан Ричардсон, я полагаю, «Посейдон» оснащен автономными глубоководными дронами?

– Да, у нас есть четыре ROV, способных погружаться на глубину до 3000 метров, – ответил капитан. – Но в данных условиях я бы рекомендовал дожидаться стабилизации магнитного поля. Сбои в управлении на такой глубине могут привести к потере дорогостоящего оборудования.

– Риск оправдан, – возразил Хаас с неожиданной настойчивостью. – Мы можем стоять на пороге открытия, которое изменит наше понимание океанских глубин и, возможно, истории Земли.

Елена заметила, как при этих словах глаза Хааса на мгновение вспыхнули странным энтузиазмом, граничащим с одержимостью.

– Я согласна с капитаном, – вмешалась она. – Кроме того, необычное поведение морской фауны в этом районе требует дополнительного изучения. Сегодня мы наблюдали массовый исход глубоководных видов из зоны аномалии. Такое поведение обычно свидетельствует о надвигающейся опасности – извержении, оползне или токсичном выбросе.

Доктор Хаас посмотрел на нее с выражением, которое она не смогла расшифровать – смесь раздражения и... интереса?

– Морские существа часто обладают сенсорами, намного превосходящими наши приборы, – признал он. – Но именно поэтому мы должны действовать быстро. Если источник аномалии действительно представляет опасность, мы должны идентифицировать его как можно скорее.

В комнате повисло напряжение. Елена почувствовала, что за этим спором скрывается что-то большее – Хаас знал или подозревал нечто, чего не говорил остальным.

Капитан Ричардсон прервал молчание:

– Мы запустим два дрона. Один будет собирать данные с периферии аномальной зоны, второй приблизится к центру для детального сканирования. Запуск через час, если не будет возражений.

Возражений не последовало.

Центр управления дронами располагался в нижней палубе «Посейдона». Технически это была каюта повышенной комфортности, переоборудованная в высокотехнологичный пост. Полукруглый ряд мониторов окружал три операторских кресла с тактильными контроллерами. В центре комнаты находился голографический проектор, в данный момент отображающий трехмерную модель океанского дна с маршрутом движения дронов.

Елена наблюдала за подготовкой к запуску, стоя у входа. Несмотря на то, что это не входило в ее прямые обязанности, она не могла не присутствовать при таком важном этапе исследования.

– Нервничаете? – спросил подошедший доктор Хаас.

– Скорее, испытываю научное любопытство, – ответила она, стараясь звучать нейтрально. Что-то в этом человеке заставляло ее держаться настороже.

– Любопытство – прекрасная черта для ученого, – кивнул Хаас. – Оно привело меня в эти воды много лет назад. Видите ли, доктор Морозова, я не просто представитель спонсора. Я сам финансирую большую часть этой экспедиции.

Елена посмотрела на него с новым интересом.

– И что же привлекло ваше внимание именно к этому району?

Хаас помедлил, словно взвешивая, сколько можно рассказать.

– Пятнадцать лет назад я участвовал в экспедиции, исследовавшей глубоководные течения в этом регионе. Мы обнаружили артефакты, которые не соответствовали ни одной известной культуре. Предметы из неизвестного сплава с гравировкой, напоминающей древние письмена, но не совпадающей ни с одним известным языком. – Он достал из внутреннего кармана небольшой предмет и протянул Елене.

Это был медальон размером с монету, выполненный из странного материала – не металл, не камень, но что-то среднее. На его поверхности виднелись спиральные символы, будто вырезанные с невероятной точностью.

– Материал не поддается точной классификации, – продолжил Хаас. – Но самое удивительное произошло, когда мы погрузили артефакт в морскую воду. Он начал... резонировать, испуская слабое свечение и акустические волны.

Елена внимательно изучала медальон. Несмотря на явный возраст (поверхность была покрыта микроскопическими трещинами), он выглядел невероятно хорошо сохранившимся.

– Вы считаете, что эти артефакты связаны с легендой об Атлантиде? – спросила она, стараясь скрыть скептицизм.

– Я считаю, что под названием «Атлантида» в наших мифах скрывается реальная цивилизация, обладавшая технологиями, которые мы только начинаем понимать. – Хаас протянул руку, и Елена вернула медальон. – Сейсмические аномалии, которые мы наблюдаем, очень похожи на показания, зафиксированные во время активации артефактов в лабораторных условиях, только в тысячи раз сильнее.

Их разговор прервал возглас одного из операторов:

– Дроны готовы к запуску! Все системы в норме, хотя наблюдаются незначительные помехи в каналах связи.

Доктор Хаас и Елена подошли ближе к мониторам.

– Погружение начинается, – объявил главный оператор, молодой специалист по имени Райан. – «Нептун-1» и «Нептун-2» отделились от корабля.

На главном экране появилось разделенное изображение с камер двух дронов – автономных подводных аппаратов размером с небольшой автомобиль, оснащенных манипуляторами и передовым сенсорным оборудованием.

Первые сотни метров погружения прошли без происшествий. Яркие лучи прожекторов дронов рассекали темно-синюю толщу воды, иногда выхватывая силуэты рыб или медуз, спешащих убраться с пути странных механических созданий.

– Достигли глубины 300 метров, – сообщил Райан. – Первые признаки аномального распределения планктона. Концентрация снижается по мере приближения к целевой зоне.

– 400 метров. Фиксируем повышение температуры на полградуса выше нормы для этой глубины.

Елена внимательно следила за данными с биологических сенсоров. Чем глубже погружались дроны, тем меньше живых организмов они регистрировали. На глубине 500 метров биологическая активность практически сошла на нет – необычное явление для этих вод.

– 600 метров. Регистрируем усиление магнитных помех. Сигнал с «Нептуна-2» начинает прерываться.

Доктор Хаас наклонился к монитору, его глаза лихорадочно блеснули.

– Направьте второй дрон ближе к центру аномалии, – распорядился он тоном, не терпящим возражений.

Капитан Ричардсон, молча наблюдавший за операцией из угла комнаты, подал голос:

– Доктор Хаас, напомним, что я все еще командую этим судном. – Он обратился к оператору: – Держите «Нептун-2» на безопасном расстоянии, пока не получим полные данные с первого дрона.

Хаас вынужден был уступить, хотя по его лицу пробежала тень раздражения.

– 700 метров, – продолжал Райан. – Температура поднялась еще на градус. Фиксируем странные световые явления на границе видимости... Подождите, что это?

Изображение с «Нептуна-1» внезапно задрожало, а затем стабилизировалось, показывая нечто, заставившее всех в комнате затаить дыхание.

На дне океана, частично скрытые под слоем ила и кораллов, виднелись геометрически правильные структуры – колонны, арки и то, что можно было принять за остатки стен. Эти образования не могли быть результатом естественных геологических процессов.

– Это... рукотворно, – прошептала Елена.

– Увеличьте изображение и просканируйте структурными сенсорами, – немедленно командовал Хаас, не скрывая возбуждения.

Оператор выполнил команду. Трехмерная модель на голографическом проекторе начала обрстать деталями, показывая очертания чего-то, напоминающего затонувший город.

– Возраст этих структур невозможно определить без образцов, но судя по степени эрозии и аккумуляции отложений, им может быть несколько тысяч лет, – прокомментировал присоединившийся к ним доктор Чан.

– Или десятки тысяч, – тихо добавил Хаас.

– «Нептун-1» фиксирует увеличение энергетических показателей, – доложил Райан. – Что-то в центре круга активно. Температура поднялась еще на два градуса.

На экране с камеры первого дрона появилось слабое голубоватое свечение, исходящее откуда-то из-за массивных руин.

– Направьте дрон к источнику света, – приказал капитан после секундного колебания.

Аппарат медленно двинулся вперед, огибая полуразрушенные колонны и арки. Чем ближе он подбирался к источнику свечения, тем сильнее становились помехи в канале связи.

– Теряем стабильность сигнала, – напряженно сообщил Райан. – Системы дрона фиксируют сильные электромагнитные возмущения. Переключаюсь на автономный режим навигации.

Елена заметила, как доктор Хаас незаметно коснулся странного браслета на своем запястье. Устройство, которое она сначала приняла за дорогие часы, на мгновение мигнуло синим светом.

Изображение на мониторе внезапно прояснилось, показывая нечто, что заставило всех в комнате застыть.

Перед «Нептуном-1» возвышалась колоссальная купольная структура, частично погребенная под морскими отложениями, но все еще сохранившая величественные очертания. Ее поверхность была покрыта странными символами, похожими на те, что Елена видела на медаллоне. Из трещин в стенах купола пробивался пульсирующий голубоватый свет.

– Направьте второй дрон в обход, – приказал капитан. – Нужно увидеть, что находится с другой стороны.

«Нептун-2» начал огибать гигантский купол, в то время как первый дрон приблизился к тому, что выглядело как вход – арочному проему, перекрытому странной полупрозрачной мембраной, напоминающей одновременно стекло и живую ткань.

– Сканеры показывают, что материал купола не соответствует ни одному известному природному или искусственному соединению, – доложил оператор. – Он содержит элементы органического происхождения, интегрированные в кристаллическую структуру.

– Это невозможно, – прошептал доктор Чан. – Такая степень интеграции органики и неорганических материалов далеко за пределами современных технологий.

– Современных – да, – произнес доктор Хаас с триумфальной улыбкой. – Но не древних.

В этот момент произошло нечто странное. Мембрана, преграждающая вход в купол, внезапно изменила цвет, став более прозрачной, и по ее поверхности пробежала рябь, как будто она реагировала на присутствие дрона.

– Что за... – начал Райан, но не успел закончить.

Мембрана внезапно растянулась наружу, подобно псевдоподии одноклеточного организма, и обволокла «Нептун-1». Изображение с камеры на мгновение показало вихрь странных цветов и форм, а затем экран погас.

– Потеряли «Нептун-1»! – воскликнул оператор. – Полная потеря сигнала!

– «Нептун-2» тоже не отвечает, – доложил второй оператор. – Последние телеметрические данные показывают критический сбой всех систем.

В комнате воцарилась напряженная тишина, нарушаемая лишь тревожными сигналами мониторов.

Капитан Ричардсон первым нарушил молчание:

– Активируйте резервные протоколы связи. Попытайтесь восстановить контроль хотя бы над одним дроном.

Операторы лихорадочно работали с консолями, но безрезультатно.

– Невозможно восстановить связь, сэр. Что-то блокирует все наши сигналы.

Елена заметила странное выражение на лице доктора Хааса. В отличие от остальных, шокированных потерей дорогостоящего оборудования, он выглядел... удовлетворенным?

– Возможно, это к лучшему, – произнес он тихо, обращаясь больше к себе, чем к окружающим. – Теперь у нас нет выбора, кроме как организовать погружение с людьми.

– О чем вы говорите? – резко спросил капитан. – Никаких погружений с людьми. Мы только что потеряли два самых современных подводных дрона из-за неизвестного явления.

– Именно поэтому нам нужны люди, – настаивал Хаас. – Никакая техника не заменит человеческую адаптивность и интуицию. Кроме того, – он сделал паузу, – судя по реакции купола на дроны, возможно, мы имеем дело с системой, которая распознает живые организмы иначе, чем механические устройства.

Елена внимательно наблюдала за этим обменом мнениями, и в ее сознании начала формироваться тревожная мысль. Слишком уж хорошо Хаас был осведомлен о том, с чем они столкнулись. Словно он заранее знал, что найдет.

– Доктор Морозова, – внезапно обратился к ней Хаас, – вы ведь имеете сертификацию для глубоководных погружений?

– Да, – настороженно ответила она, – но я согласна с капитаном. Нам нужно больше данных, прежде чем рисковать людьми.

– Данные у нас будут, – Хаас повернулся к капитану. – Я предлагаю компромисс. Мы запустим автономные буи-зонды по периметру аномальной зоны и соберем максимум информации. Затем, если показатели будут в пределах допустимого риска, организуем контролируемое погружение с использованием батискафа «Гермес», который, если я не ошибаюсь, находится на борту «Посейдона» именно для таких целей.

Капитан Ричардсон нахмурился, но кивнул:

– Буи-зонды – да. Решение о погружении будет принято только после тщательного анализа данных и оценки рисков. И, – он пристально посмотрел на Хааса, – я хотел бы знать больше о вашем предыдущем опыте с подобными аномалиями, доктор.

– Разумеется, – с легкой улыбкой ответил Хаас. – Я подготовлю подробный отчет о своих исследованиях.

Когда все начали расходиться, Елена задержалась, глядя на темный экран, где последний раз был виден загадочный купол. Что-то в его структуре, в этих странных символах, пробудило в ней не только научное любопытство, но и глубинное, почти первобытное беспокойство.

– Впечатляет, не правда ли? – Хаас снова оказался рядом, заставив ее вздрогнуть.

– Если это действительно рукотворная структура такой древности, это перевернет наши представления об истории человечества, – сдержанно ответила она.

– О, это гораздо больше, чем просто исторический артефакт, доктор Морозова, – в голосе Хааса появились нотки странного воодушевления. – То, что мы нашли, может изменить будущее нашего вида. Представьте технологии, позволившие создать материалы, которые не разрушаются тысячелетиями, органико-неорганические гибриды, обладающие почти живой реактивностью...

– Вы говорите так, будто уже знаете, что это, – осторожно заметила Елена.

Хаас внимательно посмотрел на нее, словно оценивая.

– Скажем так: у меня есть гипотеза, которая теперь получила предварительное подтверждение. Но наука требует доказательств, не так ли? – Он улыбнулся. – Мне нравится ваша наблюдательность, доктор Морозова. Думаю, вы будете незаменимы в дальнейшем исследовании.

С этими словами он ушел, оставив Елену наедине с растущим беспокойством и десятками вопросов.

Ночью Елена не могла уснуть. Образ пульсирующего купола на дне океана и странное поведение доктора Хааса не давали ей покоя. Она вышла из своей каюты и направилась на палубу, надеясь, что свежий морской воздух поможет привести мысли в порядок.

Ночь была безлунной, и над «Посейдоном» раскинулось звездное небо, не затронутое световым загрязнением суши. Млечный путь прочертил сияющую дугу через черный купол, напоминая о том, насколько мал человек перед лицом вселенной.

Елена оперлась на поручень и глубоко вдохнула соленый воздух. Океан был спокоен, лишь легкая зыбь слегка покачивала судно. Такая умиротворяющая картина казалась несовместимой с тревогой, которая поселилась внутри нее.

– Тоже не спится? – раздался голос сзади.

Обернувшись, она увидела Джессику Тэйлор с двумя чашками дымящегося кофе.

– Подумала, что найду тебя здесь, – сказала Джессика, протягивая одну из чашек. – Ты всегда выходишь на палубу, когда что-то не дает тебе покоя.

Елена благодарно приняла кофе, согревая озябшие пальцы о горячую керамику.

– Спасибо. Я просто... пытаюсь осмыслить увиденное сегодня.

– Да уж, это было нечто, – кивнула Джессика. – Знаешь, мои гидрофоны продолжают регистрировать тот странный сигнал. Только теперь интервал сократился до 39 секунд.

Елена нахмурилась:

– Ускоряется?

– Похоже на то. И еще кое-что... – Джессика понизила голос. – После того, как мы потеряли дроны, я запустила программу частотного анализа. Знаешь, что показали результаты? Сигнал имеет структуру, близкую к модулированной передаче данных. Другими словами, это не просто случайный шум или геологическое явление.

Елена почувствовала, как по спине пробежал холодок.

– Ты думаешь...

– Я ничего не думаю, – быстро перебила ее Джессика. – Я просто интерпретирую данные. И они говорят, что что-то там, на дне, передает информацию. Или, по крайней мере, пытается.

Обе женщины помолчали, глядя на темные воды.

– Что ты знаешь о докторе Хаасе? – спросила Елена после паузы.

Джессика пожала плечами:

– Немного. Поисковик выдает несколько научных работ по геофизике и морской археологии, опубликованных лет двадцать назад. Потом он как будто исчез из академической среды. Ходят слухи, что он работает на какую-то частную исследовательскую организацию с хорошим финансированием.

– Он показал мне странный артефакт, – тихо сказала Елена. – Медальон с символами, похожими на те, что мы видели на куполе.

– И ты думаешь, что он знал, что мы найдем?

– Я думаю, он искал это целенаправленно. И я не уверена, что его интерес чисто научный.

Внезапно тишину ночи нарушила серия коротких, резких звуков, доносящихся из глубины океана. Звуки были настолько громкими, что их можно было услышать даже без специального оборудования.

– Что за... – начала Джессика, но Елена уже устремилась к ближайшему монитору, встроенному в переборку.

Активировав систему наблюдения, она вызвала данные с подводных сенсоров. То, что она увидела, заставило ее сердце пропустить удар.

Вся область над местом обнаружения купола светилась голубоватым светом, ясно видимым даже с поверхности. Данные сенсоров показывали резкий скачок электромагнитной активности и температуры.

– Нужно немедленно сообщить капитану, – сказала Елена, но в этот момент включилась общесудовая сирена.

– Внимание всем членам экипажа, – раздался голос капитана Ричардсона из динамиков. – Зафиксирована аномальная активность в исследуемом районе. Всем научным группам немедленно прибыть в главную лабораторию. Это не учебная тревога.

Елена и Джессика обменялись быстрыми взглядами и поспешили внутрь корабля. По пути они заметили, как из кают выходили заспанные коллеги, некоторые еще в пижамах и наспех накинутых лабораторных халатах.

В главной лаборатории царил контролируемый хаос. Ученые занимали свои рабочие места, мониторы показывали потоки данных с различных сенсоров. В центре комнаты капитан Ричардсон и доктор Хаас уже активно обсуждали ситуацию.

– ...интенсивность возросла в десять раз за последние пятнадцать минут, – говорил доктор Чан, указывая на график. – Если тенденция сохранится, мы можем столкнуться с чем-то вроде подводного геотермального выброса.

– Это не геотермальное явление, – возразил Хаас. – Посмотрите на спектральный анализ. Излучение содержит частоты, невозможные для естественных процессов.

Елена подошла ближе, чтобы лучше видеть данные. На одном из экранов отображалась трехмерная модель морского дна, где теперь отчетливо виднелся купол, окруженный пульсирующим ореолом энергии.

– Что происходит с водой? – спросила она, указывая на странные завихрения вокруг купола.

– Мы фиксируем изменение молекулярной структуры воды в радиусе ста метров от объекта, – ответил один из химиков. – Концентрация неизвестных органических соединений возросла в сотни раз. Они распространяются через водную среду, используя течения как транспортный механизм.

В этот момент корабль вздрогнул, словно от удара. Несколько человек потеряли равновесие, приборы на столах задребезжали.

– Сейсмическая активность? – спросил капитан, хватаясь за край стола.

– Нет, сэр! – отозвался оператор. – Все показатели указывают на источник энергии под нами. Это что-то вроде... направленного импульса.

Корабль снова содрогнулся, на этот раз сильнее. Свет мигнул, а затем полностью погас на несколько секунд, прежде чем вернулся, но уже более тусклый – включились аварийные генераторы.

– Все основные системы отключились, – доложил вбежавший офицер. – Двигатели не отвечают, связь с берегом потеряна.

– Что с навигационными системами? – спросил капитан.

– Полный отказ, сэр. Компасы сходят с ума, GPS не работает. Мы практически слепы.

По лаборатории пронесся встревоженный шепот. Ситуация быстро выходила из-под контроля.

– Нам нужно отойти от эпицентра активности, – решительно сказал капитан. – Приготовить аварийные двигатели и установить курс на...

Он не успел закончить. Новый, гораздо более мощный толчок сотряс «Посейдон», заставив людей падать на пол и хвататься за что попало. Несколько приборов сорвалось с креплений, один из мониторов взорвался снопом искр.

В наступившей какофонии криков и шума аварийных сигналов Елена заметила странное свечение, исходящее из иллюминаторов. Она с трудом поднялась на ноги и подошла к ближайшему из них.

То, что она увидела, заставило ее застыть в оцепенении. Вода вокруг корабля светилась призрачным голубоватым светом, пульсирующим в такт с какой-то неслышимой мелодией. В глубине этого свечения двигались тени – странные, удлинённые силуэты, которые не принадлежали ни одному известному морскому существу.

– Все на палубу! – скомандовал капитан. – Необходимо визуальное наблюдение!

Елена, как и большинство присутствующих, поспешила выполнить приказ. Выбравшись на палубу, она ощутила, как волосы на затылке встают дыбом от статического электричества, наполнившего воздух.

Море вокруг «Посейдона» превратилось в сюрреалистический пейзаж. Вода светилась, как будто миллионы микроскопических светлячков одновременно решили устроить представление. Свечение пульсировало, образуя концентрические круги, расходящиеся от точки прямо под кораблем.

– Боже мой, – прошептал кто-то рядом.

Внезапно из глубины появилось нечто, что сначала показалось огромным морским существом. Но когда оно приблизилось к поверхности, стало ясно, что это нечто иное.

«Нептун-1» – дрон, который они считали потерянным, поднимался к поверхности, окруженный коконом мерцающей энергии. Но он был изменен – его металлическая поверхность покрылась органическими наростами, напоминающими кораллы, но движущимися, пульсирующими, как живые ткани.

Дрон завис в нескольких метрах от борта корабля, его камеры, теперь окруженные странными органическими образованиями, повернулись к застывшим в изумлении людям. По его поверхности пробегали волны света, складывающиеся в странные узоры, похожие на символы, которые они видели на куполе.

– Оно... коммуницирует? – неуверенно предположил один из лингвистов.

В этот момент Елена заметила доктора Хааса, стоящего в стороне от остальных. Он не выглядел испуганным или удивленным. Вместо этого на его лице застыло выражение почти

религиозного восторга. Он поднял руку с браслетом, который теперь ярко светился, совпадая по цвету с окружающей водой.

Трансформированный дрон внезапно выпустил тонкую струю светящейся жидкости, которая поднялась в воздух и зависла перед командой ученых, формируя трехмерное изображение – ту самую спираль, которую Елена видела на медальоне Хааса.

– Начало положено, – услышала она шепот доктора Хааса. – Наследие пробуждается.

В следующее мгновение дрон исчез под водой, оставив после себя лишь расходящиеся круги на светящейся поверхности. Но Елена знала, что это только начало. Что-то древнее и могущественное пробудилось на дне океана, и она не могла отделаться от тревожного ощущения, что человечество совершенно не готово к встрече с ним.

По спине пробежал холодок, когда она поймала на себе взгляд Хааса. В его глазах, отражающих голубоватое свечение воды, она увидела знание и предвкушение.

Бермудский треугольник раскрывал свою тайну, и эта тайна оказалась гораздо более странной и пугающей, чем кто-либо мог представить.

Глава 2: «Первый контакт»

Три дня спустя. Ки-Уэст, Флорида.

Алекс Рейнер сидел на крыльце своего бунгало, глядя на закат над Мексиканским заливом. В свои тридцать восемь он выглядел старше – морщины на загорелом лице залегли глубже, чем должны были, а в коротких темных волосах уже проглядывала седина. Он медленно потягивал виски из граненого стакана, наблюдая, как солнце окрашивает небо и воду в цвета, напоминающие ему о событиях, которые он годами пытался забыть.

Восемнадцать месяцев прошло с тех пор, как он руководил последней экспедицией, после которой поклялся больше никогда не возвращаться в глубины. Восемнадцать месяцев кошмаров, где бескрайняя синева превращалась в мстительную темноту, поглощавшую его товарищей.

Он сделал глоток, ощутив, как алкоголь обжигает горло. Это не помогало – уже нет, но ритуал давал хоть какую-то структуру вечерам.

Телефон на столике завибрировал. Третий звонок за день, и Алекс знал, кто это. Он продолжал игнорировать вызов, пока экран снова не погас. Почти сразу пришло сообщение:

«Рейнер, хватит прятаться. Ситуация критическая. Жду тебя в доках, ангар С-7. Хоук».

Алекс вздохнул. Джеймс Хоук, пожалуй, единственный человек, который мог вытащить его из добровольного изгнания. Они служили вместе в команде морских котиков, прежде чем Алекс ушел в частный сектор, а Хоук продолжил военную карьеру. Теперь командер Хоук работал в специальном подразделении ВМС, о котором в официальных документах говорилось расплывчато – «обеспечение безопасности морских ресурсов».

Что-то в тоне сообщения, его лаконичности и выборе места встречи намекало на серьезность ситуации. Алекс поставил стакан, прошел в дом и открыл сейф в спальне. Внутри лежал пистолет, несколько паспортов с разными именами и портативный зашифрованный коммуникатор – необходимые инструменты человека его бывшей профессии. Поколебавшись, он взял только коммуникатор.

Портовый комплекс Ки-Уэста ночью превращался в лабиринт из контейнеров, кранов и складских помещений, освещенных редкими фонарями. Алекс двигался между зданиями уверенно и почти бесшумно, привычка, которую невозможно было вытравить годами гражданской жизни. Он замечал камеры видеонаблюдения, автоматически отмечая слепые зоны и пути отхода.

Ангар С-7 находился в дальнем углу промышленной зоны порта. Неприметное строение, отличавшееся от соседних только номером, нанесенным выцветшей краской. Перед входом стояло два черных внедорожника с затемненными стеклами – признак официальной операции.

Алекс заметил двух охранников у входа, их стойка и манера держаться выдавали в них военных. Он подошел открыто, без попыток скрыться.

– Алекс Рейнер к командеру Хоуку, – произнес он.

Один из охранников кивнул, явно ожидавший его. Другой произвел быструю и профессиональную проверку на оружие, затем открыл дверь.

Внутри ангара Алекса встретила неожиданная картина. Вместо обычного складского помещения перед ним развернулся полноценный оперативный центр. Десятки мониторов, голографические проекторы, аналитические станции с персоналом в военной и гражданской одежде. В центре всего этого высокотехнологичного хаоса стоял Джеймс Хоук, склонившись над голографической моделью океанского дна.

Годы мало изменили его – все та же атлетическая фигура, коротко стриженные светлые волосы и прямая осанка. Только в уголках глаз появились новые морщинки, да взгляд стал еще более настороженным.

– Рейнер, – Хоук поднял голову и слегка улыбнулся. – Наконец-то соизволил появиться.

– Командер, – Алекс кивнул, проигнорировав замечание. – Впечатляющая организация. Что случилось – SEAL Team Six решила заняться глубоководной рыбалкой?

Вместо ответа Хоук жестом пригласил его подойти к центральному столу. На голографическом экране вращалась трехмерная модель морского дна с отмеченным на нем странным куполообразным сооружением.

– Три дня назад исследовательское судно «Посейдон» обнаружило это в Бермудском треугольнике, – пояснил Хоук. – Предполагаемая глубина залегания – 800 метров. Происхождение и назначение объекта неизвестны.

Алекс внимательно изучал проекцию.

– Похоже на искусственную конструкцию. Древнюю, судя по обрастаниям. – Он бросил взгляд на Хоука. – Но это вряд ли входит в компетенцию военных. Почему вы занимаетесь этим, а не NOAA или Океанографический институт?

– Потому что это не просто археологическая находка, – вступил в разговор новый голос.

К ним подошел пожилой мужчина в безупречном сером костюме. Алекс сразу отметил его военную выправку, несмотря на гражданскую одежду, и странный, оценивающий взгляд. Он протянул руку:

– Доктор Виктор Хаас. Научный консультант проекта.

– Алекс Рейнер, – ответил он, пожимая руку доктора. Рукопожатие было крепким, но с неуловимой задержкой, словно Хаас проводил тактильную оценку.

– Я знаю, – кивнул Хаас. – Ваша репутация в области глубоководных операций впечатляет. Особенно инцидент с нефтяной платформой в Норвежском море.

Алекс бросил вопросительный взгляд на Хоука. Тот информации не афишировали.

– Доктор Хаас имеет высокий уровень допуска, – пояснил Хоук. – Он курирует проект от имени группы частных инвесторов, сотрудничающих с правительством.

– И что же в этой находке требует военного вмешательства? – Алекс вернулся к первоначальному вопросу, скрестив руки на груди.

Хаас подошел к панели управления и изменил изображение. Теперь перед ними висела проекция научно-исследовательского судна «Посейдон», окруженного странным голубоватым свечением воды.

– Это запись, сделанная три дня назад после обнаружения объекта, – пояснил он. – Через несколько часов после потери двух исследовательских дронов объект активировался, вызвав электромагнитные возмущения, которые вывели из строя все электронные системы корабля.

Запись показывала, как трансформированный дрон поднялся на поверхность и выпустил светящуюся субстанцию, образовавшую в воздухе спиральный символ.

– После этого активность прекратилась, связь была восстановлена, и «Посейдон» вернулся в порт, – продолжил Хаас. – Но на этом история не закончилась.

Новая проекция показала нескольких членов экипажа, находящихся в изоляционных медицинских боксах. На их коже виднелись странные голубоватые пятна и узоры, напоминающие разветвленные цепи.

– У семнадцати из тридцати двух членов экипажа обнаружены физиологические изменения, – сухо констатировал Хаас. – Изменения прогрессируют, и наши врачи пока не понимают механизм процесса. Но главное даже не это.

Он вывел на экран карту восточного побережья США с несколькими мигающими красными точками.

– За последние сорок восемь часов мы зафиксировали пять случаев подобных изменений у людей, не имевших прямого контакта с «Посейдоном» или его экипажем. Все они – жители прибрежных районов Флориды, от Майами до Джексонвилля. Единственное, что их объединяет – они купались в океане.

Алекс почувствовал, как внутри нарастает напряжение. История становилась все менее похожей на обычную поисково-спасательную операцию.

– То есть, – медленно произнес он, – вы полагаете, что древний объект на дне океана каким-то образом вызывает биологические изменения у людей?

– Не полагаем, а знаем, – жестко ответил Хоук. – И это не просто биологические изменения. Посмотри.

Он запустил видео с камер наблюдения. На нем один из пострадавших членов экипажа «Посейдона», молодой техник, находился в изоляционной камере. Внезапно он начал биться в конвульсиях, а затем... нырнул в резервуар с водой, стоявший рядом с его койкой. Медперсонал в защитных костюмах бросился к нему, но пациент оставался под водой. Камера показала крупным планом его лицо под водой – глаза открыты, на шее пульсируют странные образования, напоминающие...

– Жабры, – выдохнул Алекс. – Это невозможно.

– И тем не менее это происходит, – сказал Хаас. – Мы имеем дело с технологией, способной перестраивать человеческую физиологию на генетическом уровне. Технологией, которая, судя по всему, имеет древнее происхождение.

– И распространяется через воду, – добавил Хоук. – Лабораторные анализы показали наличие в образцах воды из Бермудского треугольника микроскопических частиц неизвестного происхождения. Мы предполагаем, что они являются носителями изменений.

Алекс обвел взглядом комнату, отмечая напряженные лица аналитиков и военных. Ситуация явно выходила за рамки обычного научного феномена.

– Впечатляет, – признал он. – Но что конкретно от меня требуется?

Хоук и Хаас переглянулись, после чего командер взял слово:

– Мы формируем команду для погружения к объекту. Цель – изучить его структуру, определить механизм воздействия и, если возможно, деактивировать. Нам нужен руководитель службы безопасности с опытом глубоководных операций. Ты – лучший из доступных кандидатов.

– Я больше не занимаюсь глубоководными операциями, – отрезал Алекс. – После Норвегии я поклялся никогда не возвращаться в эту область.

– Я знаю, – мягко сказал Хоук. – Но ситуация критическая. Если процесс трансформации продолжится в нынешнем темпе, через месяц мы получим эпидемию национального масштаба. Через три – глобальную.

Алекс отвернулся от проекций, пытаясь упорядочить мысли. Норвежский инцидент восемнадцать месяцев назад стоил жизни трем членам его команды, когда экспериментальное глубоководное оборудование дало сбой на критической глубине. Он до сих пор слышал их крики в своих кошмарах.

– Кто ведет научную часть? – спросил он, не оборачиваясь.

– Доктор Елена Морозова, – ответил Хаас. – Морской биолог, специализирующаяся на глубоководных экосистемах. Она была на «Посейдоне» во время инцидента.

Алекс вскинул голову:

– Она заражена?

– Пока нет явных симптомов, – уклончиво ответил Хаас. – Но она была в непосредственном контакте с аномалией. Ее знания и опыт бесценны для миссии.

Это не было прямым ответом, и Алекс отметил это. Он повернулся обратно к проекции и долго смотрел на светящийся купол, скрытый в глубинах океана.

– Когда начинается операция?

– Завтра в 0600, – сказал Хоук. – Базовый корабль – исследовательское судно «Гермес», переоборудованное для военных нужд. Команда уже в процессе формирования.

Алекс провел рукой по лицу, чувствуя, как внутри борются противоречивые эмоции – страх перед возвращением в глубины и понимание масштаба угрозы.

– Кто гарантирует, что история не повторится? – спросил он тихо, обращаясь больше к Хоуку, чем к Хаасу. – Что мы не потеряем людей из-за неисправного оборудования или неверных расчетов?

– Никто не может дать стопроцентную гарантию, – честно ответил Хоук. – Но на этот раз мы используем только проверенное оборудование. И, Алекс, – он положил руку на плечо друга, – на этот раз я буду рядом. Мы пойдем вниз вместе.

Алекс знал, что это обещание много значило. Хоук не давал пустых слов.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Я в деле. Но мне нужно полное досье на всех участников операции и полный доступ к данным о находке. Никаких секретов, никаких изолированных информационных пузырей.

– Разумеется, – быстро согласился Хаас, словно ожидал этого требования. – Все необходимые материалы будут предоставлены в течение часа.

– И еще кое-что, – добавил Алекс, глядя прямо на Хааса. – Я хочу знать ваш личный интерес в этом деле, доктор. Частные инвесторы редко сотрудничают с военными без веской причины.

На мгновение лицо Хааса застыло, затем он позволил себе тонкую улыбку:

– Мой интерес чисто научный, мистер Рейнер. Я посвятил жизнь изучению древних цивилизаций и их технологий. То, что мы обнаружили на дне Бермудского треугольника, может быть величайшим открытием в истории человечества. Я просто хочу быть частью этого открытия.

Это объяснение звучало гладко – слишком гладко, чтобы быть полностью искренним. Но Алекс не стал давить. У него будет время разобраться в мотивах Хааса позже.

– Тогда увидимся завтра на «Гермесе», – сказал он, поворачиваясь к выходу. – И, Джеймс, – добавил он, обращаясь к Хоуку по имени впервые за вечер, – надеюсь, ты не растерял свои навыки глубоководного дайвинга.

– Никогда не забывал, – улыбнулся Хоук.

Вернувшись домой, Алекс не стал ложиться спать. Вместо этого он достал старый потрепанный блокнот, в котором вел записи обо всех своих операциях. Полистав, он нашел раздел, посвященный Норвежскому инциденту. Записи были скупыми, почти телеграфными, но за ними скрывались месяцы подготовки, тренировок и в итоге – катастрофа, стоившая жизни трем профессионалам.

Он перечитал имена погибших: Мария Санчес, Эрик Йоханссон, Томас Вонг. Трое ученых-энтузиастов, доверивших ему свои жизни. Их смерти стали результатом цепи случайностей и неудач, но Алекс так и не смог простить себе того, что не предвидел все возможные проблемы.

Через час пришло обещанное досье. Алекс провел всю ночь, изучая информацию об участниках предстоящей экспедиции и данные о странной находке. Особое внимание он уделит досье доктора Елены Морозовой. Тридцать четыре года, впечатляющий послужной список научных экспедиций, несколько публикаций о глубоководных экосистемах, опыт дайвинга в экстремальных условиях. Судя по данным медицинского обследования после инцидента, у нее действительно не наблюдалось явных симптомов трансформации, хотя в отчете была отмечена «небольшая аномалия в структуре ДНК, требующая дальнейшего изучения».

Чем больше Алекс читал о находке, тем более невероятной она казалась. Древняя структура, сохранившая активность спустя, возможно, тысячи лет; технология, способная изменять живые организмы на генетическом уровне; символы, не соответствующие ни одной известной письменности. Все указывало на то, что они имеют дело с чем-то, выходящим за рамки современного понимания науки.

К утру он был готов. Собрав минимум необходимых вещей в водонепроницаемую сумку и проверив свое старое снаряжение для дайвинга, он отправился в порт, где должен был пришвартоваться «Гермес».

Научно-исследовательское судно «Гермес» представляло собой впечатляющее зрелище даже в предзакатных сумерках. Бывшее океанографическое судно длиной около 90 метров было переоборудовано под нужды специальных операций – добавлены системы безопасности, модифицированы спуско-подъемные механизмы, установлено военное коммуникационное оборудование. Но основной его функцией по-прежнему оставались научные исследования глубоководных объектов.

Алекс поднялся на борт по трапу, представившись дежурному офицеру. Его проводили в командный центр, где уже собралась значительная часть команды. Хоук кивнул ему, продолжая инструктаж группы морских пехотинцев, обеспечивающих безопасность операции.

Алекс осмотрелся, привыкая к новому окружению и оценивая потенциальных коллег. Его взгляд остановился на женщине, стоявшей у голографического экрана с проекцией подводного купола. Темные волосы, подтянутая фигура, сосредоточенный взгляд – это должна была быть доктор Морозова. Алекс направился к ней.

– Доктор Морозова? – он протянул руку. – Алекс Рейнер, руководитель службы безопасности.

Она обернулась, и Алекс на мгновение застыл. Фотография в досье не передавала интенсивности ее взгляда – серо-голубые глаза, внимательные и пронизательные, казалось, видели его насквозь. Она крепко пожала его руку.

– Мистер Рейнер, наслышана о вас. Рада, что вы присоединились к команде, – её голос звучал с легким акцентом. – Я как раз анализирую последние данные о структуре объекта. Хотите взглянуть?

– С удовольствием.

Она повернулась к проекции и увеличила один из участков.

– Видите эти спиральные узоры на поверхности купола? Они не просто декоративные. Судя по всему, они выполняют функцию своеобразной антенны, усиливающей какой-то сигнал, исходящий изнутри конструкции.

– Сигнал? – переспросил Алекс. – Вы имеете в виду, что эта штука активно транслирует информацию?

– Именно, – кивнула она. – Наши гидрофоны зафиксировали модулированные волны, структура которых напоминает передачу данных. Проблема в том, что мы не понимаем ни кодировку, ни назначение этого сигнала.

Алекс внимательно изучал проекцию, отмечая странные особенности конструкции – сочетание геометрических форм, которые казались одновременно чужеродными и странно знакомыми.

– Вы были на «Посейдоне» во время инцидента, – сказал он, не отрывая глаз от проекции. – Что вы видели?

Елена слегка напряглась.

– Официальный отчет содержит все детали...

– Я прочитал отчет, – перебил ее Алекс, наконец взглянув ей в глаза. – Меня интересует ваше личное впечатление. То, что не вошло в официальные документы.

Она помолчала, взвешивая слова.

– То, что мы обнаружили... Это не просто древние руины или затонувший город. Это действующая система. Живая в некотором смысле. Когда трансформированный дрон поднялся на поверхность и создал тот символ... У меня возникло отчетливое ощущение, что нас не просто изучают. Нас оценивают.

– Оценивают? – переспросил Алекс. – Вы имеете в виду, что за этим стоит какой-то разум?

– Я не знаю, – честно ответила она. – Но то, как действовала система – селективность воздействия, последовательность событий – все указывает на наличие алгоритма, слишком сложного для случайных процессов. Это как... – она поискала сравнение, – как если бы древний компьютер выполнял заложенную тысячи лет назад программу.

Алекс хотел задать еще вопрос, но их прервало появление доктора Хааса в сопровождении молодого азиата с ноутбуком под мышкой.

– А, мистер Рейнер, доктор Морозова, вы уже познакомились. Отлично. – Хаас повернулся к своему спутнику. – Позвольте представить вам Зака Ченга, нашего компьютерного гения. Он будет отвечать за техническую поддержку операции.

Зак Ченг выглядел слишком молодо для столь серьезной миссии – максимум двадцать восемь лет, небрежная одежда, взъерошенные волосы и постоянная полуулыбка. Но его взгляд был острым и внимательным.

– Рад знакомству, – он кивнул, пожимая руки Алексу и Елене. – Доктор Морозова, я уже просмотрел ваши данные о сигнале. Впечатляющая работа. Я применил несколько алгоритмов дешифровки, но пока безрезультатно. Возможно, нам нужно больше образцов.

– На это и направлена наша экспедиция, – отметил Хаас. – И, кстати, о ней. Капитан просил передать, что мы отправляемся через тридцать минут. Брифинг в конференц-зале через пятнадцать. – Он взглянул на часы. – Не опаздывайте.

Когда Хаас и Зак удалились, Алекс заметил, что Елена смотрит им вслед с едва заметным напряжением.

– Что-то не так с доктором Хаасом? – спросил он тихо.

Она повернулась к нему, на мгновение выглядя удивленной его наблюдательностью.

– Я не уверена, – ответила она наконец. – На «Посейдоне» он проявлял... чрезмерный интерес к находке. Как будто заранее знал, что мы обнаружим.

– Вы подозреваете, что он что-то скрывает?

– Я лишь говорю, что его реакция была странной. – Она посмотрела в сторону, где скрылся Хаас. – Как будто это было не открытие, а... подтверждение.

Алекс мысленно отметил это совпадение с собственными подозрениями. Хаас определенно заслуживал пристального внимания.

– Думаю, нам пора на брифинг, – сказала Елена, прерывая его размышления.

Конференц-зал «Гермеса» был заполнен разношерстной командой из военных, ученых и технических специалистов – всего около двадцати человек. Алекс и Елена заняли места рядом, наблюдая за тем, как остальные рассаживаются. Хоук стоял у экрана вместе с капитаном судна, просматривая какие-то данные на планшете.

Точно в назначенное время капитан «Гермеса», суровый мужчина лет пятидесяти с коротко стриженной седой бородой, поднялся на небольшой подиум.

– Дамы и господа, добро пожаловать на борт научно-исследовательского судна «Гермес». Я капитан Роберт Гарсия. Наша миссия классифицирована как исследовательская операция

повышенного риска. Руководство научной частью осуществляет доктор Хаас. Военная поддержка под командованием командера Хоука. Служба безопасности – мистер Рейнер. Прошу руководителей групп представить своих специалистов.

Хоук выступил вперед:

– В состав военной поддержки входят: майор Роберт «Волк» Стивенс, руководитель тактического звена и эксперт по взрывчатым веществам; лейтенанты Джексон и Рамирес, специалисты по глубоководным операциям; сержант Уилсон, медик. Основная задача – обеспечение безопасности научной группы и поддержка в случае непредвиденных ситуаций.

После него выступил Хаас, представивший научную группу, включая Елену Морозову (морской биолог), Зака Ченга (компьютерные системы), Ану Сантос (лингвист и специалист по древним языкам), доктора Чана (геофизик) и еще нескольких ученых различных специальностей.

Алекс обратил особое внимание на Ану Сантос – темноволосую женщину лет сорока с серьезным выражением лица и внимательными глазами. В досье она была представлена как эксперт по древним письменностям, специально привлеченная для расшифровки символов, обнаруженных на куполе.

Когда все представления закончились, капитан Гарсия вернулся к центральной теме:

– Наша цель – глубоководное исследование объекта, обнаруженного в Бермудском треугольнике. Мы прибудем на место через двенадцать часов. В течение этого времени все группы должны завершить подготовку оборудования и провести финальные инструктажи. Операция будет проходить в три этапа: разведка с использованием дронов, установка временной подводной базы «Тритон» на безопасном расстоянии от объекта, и наконец, непосредственное исследование с участием людей.

Алекс поднял руку:

– Вопрос по безопасности. Учитывая, что два дрона были потеряны при предыдущей попытке исследования, какие дополнительные меры предусмотрены для защиты персонала?

– Резонный вопрос, – кивнул Хоук. – Мы разработали новые протоколы. Во-первых, все подводные аппараты оснащены усиленной защитой от электромагнитных воздействий. Во-вторых, для непосредственного контакта с объектом будут использоваться специальные изолирующие костюмы, препятствующие проникновению потенциально опасных наночастиц. В-третьих, постоянный мониторинг физиологических показателей всех участников погружения и немедленная эвакуация при первых признаках аномалий.

– А что с уже зараженными членами экипажа «Посейдона»? – спросил кто-то из задних рядов. – Есть прогресс в их лечении?

Хаас и Хоук обменялись быстрыми взглядами, после чего Хаас ответил:

– Состояние стабильное. Трансформации замедлились благодаря экспериментальному лечению, разработанному нашими медиками. Но для полного понимания процесса и разработки эффективного противодействия нам необходимо изучить источник.

Алекс заметил, как Елена слегка напряглась при этом ответе. Он сделал мысленную заметку расспросить ее подробнее после брифинга.

– Еще вопросы? – спросил капитан Гарсия.

– Да, – поднялась Ана Сантос. – Доктор Хаас, вы упоминали, что символы, обнаруженные на куполе, имеют сходство с некоторыми древними письменностями. Можете уточнить, с какими именно?

– Хороший вопрос, доктор Сантос, – Хаас кивнул с едва заметным одобрением. – Наиболее близкие аналоги мы находим в протоминойской письменности, некоторых образцах шумерских текстов и, что интересно, в петроглифах, обнаруженных на островах Тихого океана. Но прямого соответствия нет ни с одной известной системой. Именно поэтому ваша экспертиза так важна для нас.

Ана кивнула, делая пометки в своем блокноте. Алекс отметил странную интенсивность ее интереса – не просто профессиональное любопытство, а нечто более личное.

После еще нескольких вопросов капитан Гарсия завершил брифинг:

– Прошу всех приступить к своим обязанностям. Мистер Рейнер, проведите инструктаж по безопасности для всего персонала в течение ближайшего часа. Командер Хоук, проконтролируйте подготовку оборудования для погружения. Доктор Хаас, координируйте работу научной группы.

Все начали расходиться. Алекс заметил, как Хаас ненадолго задержал Ану Сантос для частного разговора. Их взаимодействие выглядело более знакомым, чем можно было ожидать от недавно сформированной команды.

Елена тронула его за руку:

– Нам нужно поговорить. Наедине.

Они нашли относительно уединенное место на верхней палубе «Гермеса». Судно уже отошло от берега, и береговая линия Флориды постепенно таяла на горизонте. Море было спокойным, легкий бриз приносил освежающую прохладу.

– О чем вы хотели поговорить? – спросил Алекс, когда они удостоверились, что никто не может их подслушать.

Елена помедлила, словно собираясь с мыслями.

– Хаас не сказал всей правды о состоянии членов экипажа «Посейдона».

– Я так и понял. Что именно он скрывает?

– Трансформации не замедляются, – тихо сказала она. – Они прогрессируют, несмотря на все попытки их остановить. И процесс не ограничивается физиологическими изменениями. Есть психологические эффекты.

Алекс напрягся:

– Какого рода?

– Измененные люди демонстрируют усиливающуюся связь друг с другом. Что-то вроде... коллективного сознания. Они начинают действовать согласованно, даже находясь в изоляции друг от друга. И все они говорят о «зове глубин» – непреодолимом желании вернуться к источнику трансформации.

– Откуда вы это знаете?

Елена отвела взгляд, глядя на волны.

– Я поддерживаю контакт с судовым врачом «Посейдона». Мы были... близки до экспедиции. Он сообщает мне то, что не входит в официальные отчеты.

Алекс обдумал информацию.

– Почему вы рассказываете это мне, а не Хоуку или капитану?

– Потому что я не уверена, кому можно доверять, – она повернулась к нему, и он увидел в ее глазах смесь решимости и страха. – Хаас что-то скрывает. Возможно, даже Хоук не знает всей картины. А вы... у вас репутация человека, который ставит безопасность людей выше политики или научных амбиций.

Алекс внимательно смотрел на нее, пытаясь разгадать, что еще она может скрывать.

– Есть что-то еще, не так ли? – спросил он тихо.

Она долго молчала, затем медленно закатала рукав. На внутренней стороне предплечья виднелись тонкие голубоватые линии, образующие узор, напоминающий тот, что они видели на проекции купола.

– Это началось вчера, – сказала она. – Я не сообщила об этом, потому что хотела быть частью экспедиции. Потому что нам нужно понять, что происходит.

Алекс осторожно взял ее за руку, изучая странный узор. Линии слегка пульсировали, словно под кожей текла светящаяся жидкость.

– Вы чувствуете какие-либо изменения? Физические, психологические?

– Пока только физические. Ускоренное заживление ран, повышенная выносливость. И... – она запнулась, – странные сны. О городе под водой, о существах, которые не совсем люди, но и не совсем... что-то иное.

Алекс отпустил ее руку, обдумывая ситуацию. По протоколу он должен был немедленно сообщить об этом и отстранить ее от экспедиции. Но интуиция подсказывала, что Елена права – она могла быть ключом к пониманию происходящего.

– Вы боитесь? – спросил он.

– Конечно, – она слабо улыбнулась. – Но одновременно с этим я испытываю странное... любопытство. Желание узнать больше. Понять, что это такое и откуда оно взялось.

– Настоящий ученый, – Алекс позволил себе короткую улыбку, которая быстро исчезла. – Я не буду сообщать об этом. Пока. Но при двух условиях. Во-первых, вы немедленно скажете мне, если почувствуете любые изменения в своем сознании или восприятии. Во-вторых, если ситуация станет критической, вы согласитесь на эвакуацию без споров и возражений.

– Согласна, – кивнула она. – Спасибо за доверие.

– Не благодарите меня раньше времени, – серьезно сказал Алекс. – Я ставлю на карту не только свою карьеру, но и жизни всей команды. Надеюсь, риск оправдается.

Они еще некоторое время стояли молча, наблюдая, как «Гермес» рассекает волны, направляясь к месту, которое могло содержать ответы на множество вопросов – и таить в себе неизвестные опасности.

Следующие часы Алекс провел, проводя инструктаж по безопасности для всего персонала и проверяя оборудование, которое будет использоваться при погружении. Особое внимание он уделил специальным изолирующим костюмам – высокотехнологичным скафандрам, сочетающим функции водолазного костюма и биологической защиты.

– Эти костюмы созданы с использованием технологии многослойного барьера, – объяснял он группе ученых. – Внешний слой устойчив к механическим повреждениям и агрессивным средам. Средний – содержит наноматериал, блокирующий проникновение частиц размером до нескольких нанометров. Внутренний – поддерживает терморегуляцию и мониторит физиологические показатели.

Он продемонстрировал систему связи, встроенную в шлем, и аварийные протоколы на случай повреждения костюма или потери контакта с базой.

Майор Стивенс, коренастый мужчина с властным голосом и армейской выправкой, задал вопрос:

– Насколько надежна защита от этих... трансформирующих частиц? Были ли проведены испытания?

– Лабораторные испытания подтвердили эффективность барьера, – ответил Алекс, не уточняя, что времени на полноценное тестирование просто не было. – Но учитывая необычную природу явления, мы применяем дополнительные меры предосторожности. Каждый костюм оборудован химическими датчиками, которые мониторят состав окружающей среды и сигнализируют о появлении аномальных частиц.

Стивенс кивнул, но по его лицу было видно, что он не полностью удовлетворен ответом. Алекс отметил его реакцию – здоровый скептицизм был полезен в такой миссии.

После инструктажа Алекс отправился в машинное отделение, где техники готовили подводные аппараты для предстоящей операции. Главным среди них была глубоководная минисубмарина «Тритон» – аппарат, способный погружаться на глубину до 2000 метров и перево-

зять до шести человек. Рядом с ней находились несколько дронов нового поколения, оснащенных усиленной защитой от электромагнитных воздействий.

Зак Ченг, увлеченно копавшийся в панели управления одного из дронов, заметил Алекса и махнул ему рукой:

– Мистер Рейнер! Подойдите, посмотрите на эту красотку.

Алекс подошел, и Зак с гордостью продемонстрировал свою работу:

– Я модифицировал систему управления. Даже если объект создаст электромагнитную аномалию, дрон продолжит работать в автономном режиме по заранее запрограммированному алгоритму. Плюс, – он понизил голос до заговорщического шепота, – я добавил несколько своих фишек. Специальные сенсоры для анализа сигналов, исходящих от купола, и мини-лабораторию для забора и экспресс-анализа проб воды.

– Впечатляет, – признал Алекс. – Надеюсь, эта защита сработает лучше, чем у предыдущих дронов.

– О, я проанализировал данные о том инциденте, – кивнул Зак. – Проблема была не только в электромагнитном воздействии. Что-то в самой структуре сигнала, исходящего от объекта, вызвало каскадный сбой в процессорах дронов. Своего рода информационная атака, если можно так выразиться. Я перестроил архитектуру системы, сделав ее более устойчивой к подобным воздействиям.

Алекс внимательно посмотрел на молодого техника:

– Вы говорите об этом так, будто объект сознательно атаковал дроны.

Зак пожал плечами:

– Я не утверждаю, что там есть разум в человеческом понимании. Но даже обычный компьютер может выполнять защитные протоколы при обнаружении внешнего вмешательства. А то, с чем мы имеем дело, судя по всему, намного сложнее любого современного компьютера.

Эта мысль перекликалась с тем, что говорила Елена о «живой системе». Алекс задумался – что, если древняя технология действительно обладала своего рода разумом? И что тогда означала трансформация людей – защитную реакцию или целенаправленное действие?

– Будьте осторожны с теориями о разумности объекта, – предупредил он Зака. – Доктор Хаас может не одобрить подобные спекуляции.

– Хаас, – Зак фыркнул. – Все эти «представители инвесторов» одинаковы – думают, что могут контролировать науку так же, как свои банковские счета.

– Вы не доверяете ему?

– Скажем так, – Зак понизил голос еще сильнее, – я провел небольшое исследование его прошлого. Последние пятнадцать лет деятельности Хааса окутаны тайной. Официально он был консультантом в различных археологических экспедициях. Неофициально... – он многозначительно поднял брови, – многие из этих экспедиций заканчивались странными происшествиями или внезапным засекречиванием находок.

Алекс сделал мысленную заметку проверить эту информацию. Недоверие к Хаасу, казалось, было распространено среди членов команды, что само по себе было тревожным знаком.

Его размышления прервал голос из динамика:

– Всему персоналу приготовиться к погружению первой группы дронов. Руководителям групп собраться в командном центре.

Командный центр «Гермеса» представлял собой впечатляющее сочетание военной эффективности и научной функциональности. Центральный голографический проектор отображал трехмерную карту морского дна с отмеченной целью – куполом, окруженным древними руинами. Вокруг располагались рабочие станции с мониторами, показывающими данные с различных сенсоров судна и спутниковые снимки региона.

Капитан Гарсия, Хоук, Хаас, Алекс и руководители научных групп собрались вокруг центрального стола.

– Мы прибыли в заданную точку, – сообщил капитан. – Гидрологические и метеорологические условия благоприятные. Можем начинать первый этап операции.

Хоук взял слово:

– План такой: сначала запускаем три дрона для предварительной разведки и сбора данных о текущем состоянии объекта. Затем, при отсутствии аномальной активности, спускаем временную подводную базу «Тритон» на глубину 500 метров, примерно в 300 метрах от основной цели. После установки базы первая группа исследователей спускается для непосредственного изучения объекта.

– Кто входит в первую группу? – спросил Алекс.

– Вы, доктор Морозова и Зак Ченг, – ответил Хаас. – Ваша задача – первичная оценка состояния объекта и сбор образцов для анализа. Особое внимание – символам на поверхности купола. Доктор Сантос подготовит специальный алгоритм для их документирования.

Алекс бросил быстрый взгляд на Елену. Ее лицо оставалось невозмутимым, но он заметил легкое напряжение в уголках губ.

– Какой транспорт будет использован для спуска к базе? – спросил Алекс.

– Мини-субмарина «Нептун», – ответил Хоук. – Модифицированная версия с усиленной защитой от электромагнитных воздействий и автономной системой жизнеобеспечения.

– Сколько времени займет спуск?

– При нормальных условиях около сорока минут, – сказал капитан Гарсия. – Но учитывая необходимость осторожного приближения и возможные аномалии, закладываем час.

Хаас активировал новую проекцию, показывающую детали временной подводной базы:

– «Тритон» рассчитан на одновременное пребывание до десяти человек. Он оснащен лабораторией для первичного анализа образцов, системой жизнеобеспечения с запасом на 72 часа и защищенным шлюзом для выхода в открытую воду. Внутри созданы все условия для комфортной работы.

– А что с защитой от... трансформирующего воздействия? – спросил Алекс.

– Многослойная изоляция, аналогичная вашим костюмам, плюс система фильтрации воды и воздуха, – ответил Хаас. – Но главное – постоянный мониторинг персонала. При первых признаках изменений будет произведена немедленная эвакуация.

Алекс заметил, как Ана Сантос и доктор Чан обменялись скептическими взглядами. Очевидно, не все были уверены в эффективности предлагаемой защиты.

– Запуск дронов через двадцать минут, – объявил капитан. – Группе первого погружения подготовиться. Проверка оборудования, медицинский осмотр, финальный инструктаж. Вопросы?

Вопросов не было, или, точнее, были, но не те, которые можно было задать открыто. Алекс чувствовал, что многие члены команды, как и он сам, хранили свои сомнения и подозрения при себе.

Когда брифинг закончился, Алекс отвел Хоука в сторону:

– Джеймс, я должен кое-что узнать. Насколько ты доверяешь Хаасу?

Хоук помедлил, взвешивая ответ:

– Официально он представляет консорциум инвесторов, получивших правительственное одобрение на эту операцию. Его научная репутация безупречна.

– Это не ответ на мой вопрос.

Хоук вздохнул:

– Если честно, не знаю. Он появился с уже готовым планом и необходимыми ресурсами практически сразу после инцидента на «Посейдоне». Слишком быстро и слишком организовано для обычной реакции на неожиданное открытие.

– То есть, он знал заранее.

– Возможно. Или просто оказался готовым к такой ситуации. В любом случае, сейчас он наш лучший ресурс для понимания того, с чем мы имеем дело.

Алекс кивнул, не полностью удовлетворенный, но понимая, что большего от Хоука сейчас не добиться.

– Еще кое-что, – добавил Хоук, понизив голос. – Будь особенно внимателен на базе «Тритон». Я включил в ее команду нескольких своих людей, которые будут наблюдать за... всеми аспектами операции. Они отчитываются напрямую мне.

– Ты ожидаешь проблем?

– Я всегда ожидаю проблем, – серьезно ответил Хоук. – Особенно когда речь идет о технологии, способной трансформировать людей в нечто иное. Будь осторожен, Алекс.

Спуск дронов прошел без происшествий. Три автономных аппарата, оснащенных новейшими сенсорами и камерами, погрузились в воды Бермудского треугольника, передавая данные на «Гермес». Алекс, Елена и Зак наблюдали за их продвижением из командного центра, готовясь к собственному погружению.

Первые изображения с глубины 300 метров показывали обычный подводный ландшафт – песчаное дно, редкие скальные образования, стайки глубоководных рыб. Но по мере приближения к цели картина менялась.

– Странно, – заметила Елена, указывая на экран. – Видите? Отсутствие морской жизни в радиусе примерно 200 метров от объекта. Как будто все живое избегает этого места.

– И еще одна аномалия, – добавил оператор, контролирующий показания сенсоров. – Повышение температуры воды на полградуса выше нормы для этой глубины. И слабая электромагнитная активность.

Когда дроны достигли глубины 700 метров, они наконец передали первые изображения древнего города. В лучах прожекторов проступили очертания массивных колонн, арок, полуразрушенных строений, растянувшихся на сотни метров во всех направлениях. И в центре этого подводного некрополя возвышался он – купол, сохранивший свою форму, несмотря на тысячелетия под водой.

– Невероятно, – прошептала Ана Сантос, приблизившись к экрану. – Эта архитектура... Она не соответствует ни одной известной древней культуре. Но есть элементы, напоминающие раннеминойские и протошумерские мотивы.

– И материал, – добавил доктор Чан, изучая данные с анализаторов. – Он не похож ни на один известный сплав или камень. Содержит элементы, которые не должны существовать в природе в таких сочетаниях.

Хаас наблюдал за происходящим с выражением, которое Алекс мог описать только как сдержанное торжество. Он явно видел подтверждение чего-то, что знал или подозревал давно.

– Направьте дрон ближе к куполу, – распорядился Хаас. – Я хочу получить более детальные изображения символов.

Оператор выполнил команду, и один из дронов медленно приблизился к поверхности купола. Камера высокого разрешения начала фиксировать странные спиральные узоры и символы, покрывавшие всю конструкцию. По мере приближения стало заметно слабое голубоватое свечение, исходящее из трещин и швов купола.

– Активность усиливается, – предупредил оператор. – Электромагнитное поле вокруг объекта расширяется.

– Дроны функционируют нормально? – спросил Хоук.

– Пока да, сэр. Защита работает.

Алекс внимательно наблюдал за показаниями. Пока все шло по плану, но он не мог отделаться от ощущения, что это лишь затишье перед бурей.

Свечение вокруг купола внезапно усилилось, пульсируя в странном ритме.

– Что происходит? – напрягся Хоук.

– Не уверен, сэр, – ответил оператор. – Но похоже, что объект... реагирует на присутствие дронов.

– Отведите дроны на безопасное расстояние, – скомандовал Хоук. – Нам нужно оценить ситуацию.

Дроны начали отдаляться от купола, но в этот момент голубоватое свечение резко усилилось, образовав нечто вроде энергетического импульса, распространившегося во всех направлениях. Изображение с камер на мгновение исказилось, затем стабилизировалось.

– Дроны всё еще функционируют, – с облегчением сообщил оператор. – Защита сработала.

Алекс заметил, как Елена и Зак обменялись взглядами. Похоже, модификации молодого техника действительно оказались эффективными.

– Интересно, – задумчиво произнес Хаас. – Объект реагирует, но не так агрессивно, как в случае с дронами «Посейдона». Возможно, он... адаптируется. Или оценивает потенциальную угрозу.

– Вы говорите так, будто это живая система, – заметила Ана Сантос.

– В некотором смысле, возможно, так и есть, – ответил Хаас. – Симбиоз органических и неорганических компонентов, созданный для выполнения определенной функции. Нечто, что современная наука только начинает исследовать.

Алекс снова отметил странную уверенность в голосе Хааса, как будто он говорил о чем-то хорошо знакомом, а не о загадочном древнем артефакте.

– Данные о текущем состоянии объекта подтверждают возможность установки базы «Тритон», – сообщил капитан Гарсия. – Начинаем вторую фазу операции.

Спуск временной подводной базы «Тритон» занял почти два часа. Массивная конструкция, состоящая из трех взаимосвязанных модулей, была осторожно опущена на морское дно на расстоянии 300 метров от купола. По прибытии база автоматически активировала якорные крепления и развернула внешние сенсоры для мониторинга окружающей среды.

Пока происходила установка, Алекс, Елена и Зак проходили финальную подготовку к своему погружению. Медицинское обследование, проверка костюмов, повторение протоколов безопасности – все должно было быть идеально для операции такого уровня риска.

В медицинском отсеке Алекса осматривал судовой врач, доктор Хендерсон – лысеющий мужчина с добрыми глазами и профессиональной внимательностью.

– Физические показатели отличные, мистер Рейнер, – сказал он, проверяя данные обследования. – Но есть некоторые признаки хронического стресса и недостатка сна. Возможно, последствия ПТСР?

Алекс не удивился диагнозу. После Норвежского инцидента он отказался от психологической помощи, предпочитая справляться с кошмарами самостоятельно.

– Ничего, что могло бы помешать выполнению миссии, – уклончиво ответил он.

– Вероятно, нет, – согласился доктор. – Но я бы рекомендовал соблюдать осторожность. Стресс может негативно влиять на принятие решений в критических ситуациях.

– Я справлюсь, доктор. Не в первый раз.

Хендерсон кивнул и перешел к финальной проверке:

– Для погружения вы получите дополнительную дозу антистрессового препарата и стимулятор внимания. Ничего, что могло бы помешать ясности мышления, просто небольшая поддержка для организма в экстремальных условиях.

После медицинского осмотра Алекс направился в отсек подготовки погружений, где его ждали Елена и Зак, уже облаченные в специальные костюмы для глубоководного погружения. Эти костюмы представляли собой настоящие произведения инженерного искусства – легкие, но прочные, с множеством встроенных сенсоров и системами поддержки жизнеобеспечения.

– Все готовы? – спросил Алекс, приступая к надеванию своего костюма с помощью технического специалиста.

– Технически – да, – ответил Зак, проверяя встроенный в костюм компьютер. – Психологически – спроси что-нибудь полегче.

Елена выглядела сосредоточенной, но Алекс заметил, как она периодически бросает взгляд на свое предплечье, скрытое костюмом. Голубоватые линии, вероятно, распространились дальше.

– Как ощущения? – тихо спросил он, когда технический специалист отошел за дополнительным оборудованием.

– Странные, – честно ответила она. – Как будто я одновременно более собранная и более... восприимчивая. Трудно объяснить.

– Если почувствуешь что-то необычное во время погружения...

– Я знаю, – она кивнула. – Немедленно сообщу.

К ним подошел Хоук, уже одетый в костюм военного образца, отличавшийся от их научных версий дополнительной тактической оснасткой.

– Изменение в плане, – сообщил он. – Я присоединяюсь к вам. Хаас настоял на дополнительном участнике с военной подготовкой.

– Не доверяет моим способностям? – спросил Алекс с ноткой иронии.

– Скорее, перестраховывается, – ответил Хоук. – После установки «Тритона» наши сенсоры зафиксировали усиление активности объекта. Не критическое, но достаточное для беспокойства.

– Что за активность? – насторожился Зак.

– Флуктуации электромагнитного поля, изменения в химическом составе воды вокруг купола. И, что самое интересное, периодические вспышки света из центральной части конструкции, как будто что-то внутри... просыпается.

Алекс заметил, как при этих словах Елена слегка вздрогнула.

– Это не повод для отмены миссии, – продолжил Хоук, – но требует дополнительных мер предосторожности. Отсюда мое присутствие.

– Когда выдвигаемся? – спросил Алекс, застегивая последние крепления костюма.

– Через тридцать минут. Мини-субмарина «Нептун» уже готова.

Мини-субмарина «Нептун» представляла собой обтекаемый аппарат длиной около восьми метров, с прозрачным куполом в передней части и мощными двигателями в задней. Внутри находилось четыре кресла для экипажа, панель управления, и компактный грузовой отсек для оборудования.

Алекс занял место второго пилота рядом с Хоуком, который взял на себя управление. Елена и Зак расположились на пассажирских местах сзади, проверяя свое научное оборудование.

– Проверка связи, – произнес Хоук в микрофон шлема. – «Гермес», «Нептун» готов к погружению.

– «Нептун», «Гермес» на связи, – отозвался голос капитана Гарсии. – Все системы в норме. Разрешаю погружение.

– Принято. Начинаем спуск.

Хоук активировал систему затопления шлюзовой камеры, и «Нептун» постепенно погрузился под воду. Когда шлюз был полностью затоплен, внешние двери открылись, и субмарина медленно выплыла в открытый океан.

Алекс посмотрел вверх и увидел силуэт «Гермеса», быстро уменьшающийся по мере их погружения. Странное чувство дежавю накрыло его – слишком похоже на начало той, норвежской миссии. Он заставил себя сосредоточиться на показаниях приборов, отгоняя непрошенные воспоминания.

– Достигли глубины 100 метров, – сообщил Хоук. – Все системы функционируют нормально.

По мере погружения естественный свет постепенно исчезал, уступая место вечному сумраку глубин. Прожекторы «Нептуна» освещали водную толщу, иногда выхватывая из темноты силуэты глубоководных существ.

– 200 метров. Компенсирую давление.

Алекс следил за показаниями внешних сенсоров, отмечая изменения в составе воды и температуре. Пока все соответствовало нормальным параметрам для этой глубины.

– Как настроение команды? – спросил Хоук, не отрывая взгляда от пути.

– Сосредоточенное, – ответил Алекс. – С примесью научного любопытства и здоровой тревоги.

– У меня скорее нездоровая тревога, – пробормотал Зак. – Но спасибо за «здоровую».

– 300 метров, – продолжил отсчет Хоук. – Входим в зону аномалии. Включаю дополнительную защиту систем.

Он активировал специальный экран на панели управления, и Алекс почувствовал легкое гудение – заработало устройство, создающее противодействующее электромагнитное поле.

– Зафиксировано первое изменение, – сообщила Елена, глядя на показания своих приборов. – Концентрация неизвестных органических соединений в воде увеличивается.

– 400 метров. «Тритон» на радаре, расстояние 500 метров по горизонтали.

Алекс заметил на экране очертания временной базы – три взаимосвязанных модуля, закрепленных на морском дне. Вокруг нее уже работали несколько научных сотрудников в специальных костюмах, устанавливая дополнительное оборудование.

– Вижу объект, – тихо сказал Зак, глядя в боковое окно.

Все повернули головы в указанном направлении. В далеком свете прожекторов базы можно было различить массивный силуэт купола, окруженный руинами древнего города. Даже с такого расстояния он выглядел внушительно и чужеродно.

– 500 метров. Приближаемся к «Тритону».

Хоук искусно маневрировал, направляя «Нептун» к стыковочному узлу подводной базы. По мере приближения они могли видеть, что база уже полностью функциональна – светились иллюминаторы, работали внешние сенсоры, несколько дронов патрулировали периметр.

– «Нептун», это «Тритон», – раздался в наушниках новый голос. – Вас встречаем, стыковочный узел А готов к приему.

– «Тритон», это «Нептун», – ответил Хоук. – Понял, приступаем к стыковке.

Процедура стыковки заняла несколько минут. Наконец, субмарина была надежно закреплена, и шлюзовая камера начала заполняться воздухом.

– Добро пожаловать на «Тритон», – сказал Хоук, когда давление выровнялось и загорелся зеленый индикатор безопасности. – Наш дом на ближайшие два-три дня.

Внутренний люк открылся, и их встретил лейтенант Рамирес – молодой офицер с серьезным выражением лица.

– Командер Хоук, мистер Рейнер, доктор Морозова, мистер Ченг, – он кивнул каждому по очереди. – Приветствую на базе «Тритон». Ваши каюты готовы, лаборатория оборудована. Руководитель базы ожидает вас для короткого брифинга.

Они прошли через стыковочный модуль в центральный отсек базы – просторное помещение с несколькими рабочими станциями и голографическим проектором в центре. Здесь их встретил майор Стивенс, который, как оказалось, был назначен руководителем базы.

– Рад вашему прибытию, – сказал он, пожимая руки новоприбывшим. – Обстановка под контролем, но с некоторыми особенностями.

– Какими именно? – спросил Алекс.

– Сейсмические датчики фиксируют регулярные колебания в районе объекта, как будто что-то внутри него... пульсирует. И еще, – он указал на один из экранов, показывающих карту района, – мы обнаружили несколько горячих точек вокруг купола. Места, где температура воды аномально высока и химический состав сильно отличается от нормы.

– Как будто что-то просачивается изнутри, – предположила Елена.

– Именно так, доктор Морозова. Мы отправили дрон для забора проб, результаты анализа будут готовы через час.

Алекс осмотрел базу, оценивая обстановку. Несмотря на временный характер, «Тритон» был хорошо оборудован и защищен. На данный момент здесь находилось около пятнадцати человек – ученые, техники, охрана.

– Какой план на ближайшее время? – спросил он.

– Два часа на акклиматизацию и проверку оборудования, – ответил Стивенс. – Затем, если условия позволят, первый выход к периферии объекта. Основная цель – сбор проб и предварительное сканирование.

Хоук кивнул:

– Разумный подход. Кто идет на первый выход?

– Мы с вами, доктор Морозова и техник для управления мобильным сканером, – сказал Стивенс. – Мистер Рейнер и мистер Ченг останутся на базе для координации и обработки первичных данных.

Алексу не понравилось разделение команды, особенно то, что Елена пойдет без него, но он понимал логику такого решения. Опытный военный и ученый с признаками трансформации – идеальная комбинация для первичного контакта.

– Хорошо, – согласился он. – Но я буду мониторить ситуацию из центра управления.

– Разумеется, – кивнул Стивенс.

После брифинга они разошлись по своим каютам для короткого отдыха перед предстоящей операцией. Алекс использовал это время, чтобы еще раз проверить свое снаряжение и просмотреть последние данные о состоянии объекта.

Когда он закончил, в дверь его каюты постучали. Это был Зак, выглядящий взволнованным.

– Мистер Рейнер, думаю, вам стоит это увидеть, – он протянул планшет с результатами анализа проб воды.

Алекс быстро просмотрел данные и нахмурился:

– Ты уверен, что это точно?

– Тройная проверка, – кивнул Зак. – В воде вокруг купола содержатся микроскопические частицы, по структуре идентичные тем, что вызывают трансформацию у людей. Но есть кое-что еще. – Он перелистнул на следующий экран. – Эти частицы не просто плавают в воде. Они организованы в сложные структуры, напоминающие... нейронные сети.

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что это не просто заражение. Это коммуникационная сеть. Каждая частица связана с другими, образуя единую систему, способную передавать и принимать сигналы.

Алекс откинулся на спинку кресла, осмысливая информацию.

– Если ты прав, это означает, что купол не просто воздействует на людей. Он... интегрирует их в свою систему.

– Именно, – кивнул Зак. – И вот что меня беспокоит больше всего – концентрация этих частиц увеличивается. Медленно, но стабильно. Если тенденция сохранится, через два дня вся вода вокруг базы будет насыщена ими, несмотря на фильтры и защиту.

– Нужно немедленно сообщить Хоуку и Стивенсу.

– Уже сделано, – ответил Зак. – Они обсуждают ситуацию. Но есть еще кое-что, что я сказал только вам. – Он понизил голос. – Я заметил странную корреляцию между активностью купола и поведением некоторых членов команды.

– Каких именно?

– Техник Бейкер и доктор Уитни. Оба были на «Посейдоне» во время инцидента. Их физиологические показатели, которые я тайно мониторил через систему безопасности базы, меняются синхронно с пульсацией купола.

Алекс быстро соотнес информацию:

– Они заражены?

– Официальных данных нет, но я бы поставил на это.

– Спасибо, Зак. Держи меня в курсе любых изменений. И... будь осторожен. Не привлекай внимания к своим исследованиям.

Когда Зак ушел, Алекс долго сидел неподвижно, обдумывая ситуацию. Если купол действительно создавал коммуникационную сеть через зараженных людей, это полностью меняло характер угрозы. Это было не просто непонятное воздействие древней технологии, а целенаправленный процесс с неизвестной целью.

Он подумал о Елене, о странных голубоватых линиях на ее коже. Если она тоже часть этой сети, что это значит для нее? И для миссии?

Размышления прервал сигнал коммуникатора:

– Всему персоналу приготовиться. Первый выход через тридцать минут.

Алекс поднялся и направился в центр управления. Интуиция подсказывала ему, что первый контакт с древним объектом станет поворотным моментом миссии. И он хотел быть готовым к любому развитию событий.

Центр управления базы «Тритон» был заполнен людьми. Хоук, Стивенс и Елена, уже облаченные в специальные костюмы для выхода в открытую воду, получали последние инструкции. Техники проверяли оборудование, аналитики мониторили данные с сенсоров.

Алекс занял место у главной консоли, рядом с Заком, который настраивал систему связи.

– Все функционирует? – спросил Алекс.

– В пределах нормы, – кивнул Зак. – Но я установил дополнительный канал связи, зашифрованный и автономный. Если основной выйдет из строя, мы все равно сможем поддерживать контакт.

Хоук подошел к ним:

– Рейнер, ты контролируешь операцию из центра. Постоянный мониторинг, анализ данных в реальном времени. Если заметишь что-то подозрительное – немедленно сообщай.

– Понял. Какой план действий?

– Мы идем к периферии руин, в паре сотен метров от самого купола. Установим сенсоры, соберем образцы, проведем первичное сканирование. Никаких прямых контактов с основным объектом на этом этапе.

Алекс бросил взгляд на Елену, которая проверяла свое научное оборудование. Она выглядела сосредоточенной и немного напряженной.

– Будьте осторожны, – сказал он. – Особенно с водой вокруг купола.

Хоук кивнул, понимая, что Алекс уже знает о результатах анализа проб.

– Мы используем максимальный уровень защиты. Никаких компромиссов.

Через несколько минут Хоук, Стивенс, Елена и техник по имени Моррисон вошли в шлюзовую камеру. Алекс наблюдал за их подготовкой через мониторы. Каждый костюм был проверен несколько раз, коммуникаторы протестированы, аварийные системы активированы.

– «Тритон», группа «Альфа» готова к выходу, – доложил Хоук.

– Группа «Альфа», «Тритон» разрешает выход. Открываю внешний шлюз. Удачи.

Шлюзовая камера медленно заполнилась водой, и внешние двери открылись, выпуская группу в океанские глубины. Камеры, установленные на шлемах членов группы, передавали изображение в центр управления, где Алекс и другие специалисты могли видеть все происходящее.

Вода вокруг базы была относительно прозрачной, освещенной мощными прожекторами. Группа двигалась медленно и осторожно, используя индивидуальные двигатели, встроенные в костюмы.

– Покидаем периметр непосредственной безопасности базы, – сообщил Хоук. – Начинаю отсчет дистанции до объекта.

Алекс следил за показаниями сенсоров, отмечая, как меняются параметры воды по мере приближения группы к древним руинам. Температура слегка повышалась, концентрация неизвестных частиц увеличивалась, электромагнитная активность нарастала.

– Расстояние до периферии руин – 100 метров, – доложил Стивенс. – Видимость хорошая, аномальная активность в пределах допустимого.

На экранах было видно, как перед группой вырисовываются очертания древних строений – массивные колонны, частично разрушенные арки, странные геометрические конструкции, покрытые кораллами и морскими отложениями.

– Невероятно, – голос Елены звучал с благоговейным трепетом. – Эта архитектура... Она одновременно чужая и странно знакомая. Как будто созданная по законам, которые мы интуитивно понимаем, но не можем сформулировать.

Группа достигла первых руин и остановилась для установки сенсоров и сбора образцов. Моррисон развернул компактный сканер, начавший создавать трехмерную модель окружающих структур.

– Материал конструкций не соответствует ни одному известному сплаву или камню, – сообщил он, изучая первые результаты. – Содержит органические компоненты, интегрированные на молекулярном уровне.

– Как такое возможно? – спросил Стивенс. – Даже современные технологии не позволяют достичь такого уровня интеграции.

– Именно, майор, – ответила Елена. – Это означает, что мы имеем дело с технологией, значительно превосходящей нашу. Возможно, на тысячи лет.

Алекс заметил, как Зак тихо присвистнул рядом с ним.

– Если эти ребята могли такое тысячи лет назад, представляешь, на что они были способны на пике развития?

– Вопрос в том, куда они делись, – тихо ответил Алекс. – И почему оставили это... нечто активным.

Елена тем временем обнаружила участок стены, покрытый странными символами – спиралями, волнистыми линиями и геометрическими фигурами, складывающимися в сложный узор.

– Документирую символы, – сообщила она, активируя специальный сканер. – Доктор Сантос, вы получаете изображение?

– Четко и ясно, – отозвалась Ана из центра управления. – Это удивительно! Некоторые элементы напоминают протошумерскую письменность, но в целом система совершенно уникальна. Продолжайте сканирование, мне нужно больше образцов для анализа.

Алекс заметил, как Хоук насторожился, глядя куда-то в сторону от группы:

– Стивенс, видите это?

Камера на его шлеме повернулась, показывая странное голубоватое свечение, исходящее из глубины руин, в направлении центрального купола.

– Вижу, – подтвердил Стивенс. – Интенсивность усиливается.

– Данные сенсоров показывают увеличение электромагнитной активности, – доложил Зак. – Но пока в пределах безопасного диапазона.

Елена внезапно замерла, глядя в сторону свечения.

– Что-то не так, доктор Морозова? – спросил Хоук.

– Я... слышу что-то, – неуверенно ответила она. – Как будто... пульсация. Ритмичная, на границе слышимости.

Алекс напрягся. Обычный человек не мог слышать такие звуки на такой глубине, даже через передовой костюм. Это могло означать только одно – трансформация Елены прогрессировала, давая ей новые способности.

– В ваших аудиосенсорах ничего не фиксируется, – сообщил он. – Возможно, это проводится через воду на частотах, которые не улавливаются нашим оборудованием.

Это было правдоподобное объяснение, которое не выдавало истинного состояния Елены.

– Возможно, – согласилась она, бросив быстрый благодарный взгляд в камеру. – В любом случае, источник, кажется, находится ближе к центральному куполу.

– Продолжаем сбор данных здесь, – решил Хоук. – К куполу приблизимся на следующем этапе, после полного анализа информации.

Группа продолжила работу, но Алекс заметил, что Елена периодически оборачивается в сторону таинственного свечения, как будто оно звало её. Это беспокоило его все сильнее.

Через двадцать минут, когда большая часть запланированных измерений была завершена, свечение внезапно усилилось, став ярким и пульсирующим.

– Что происходит? – напрягся Стивенс.

– Похоже на активацию какой-то системы, – ответил Моррисон, изучая показания сканера. – Энергетические волны исходят от центрального купола и распространяются через руины.

– Группа «Альфа», рекомендую немедленно вернуться на базу, – сказал Алекс. – Активность превышает безопасные пределы.

– Согласен, – отозвался Хоук. – Собираем оборудование и отходим.

Но в этот момент произошло нечто странное. Голубоватое свечение сформировало нечто вроде направленного луча, который прошел через руины прямо к группе. На мгновение все они оказались окутаны этим светом, а затем он исчез так же внезапно, как и появился.

– Что это было? – встревоженно спросил Стивенс.

– Похоже на сканирующий импульс, – предположил Моррисон. – Как будто объект... изучал нас.

– Все целы? – спросил Хоук, оглядывая группу.

– Костюмы не повреждены, системы жизнеобеспечения функционируют, – доложил Стивенс.

Алекс заметил, что Елена стоит неподвижно, как будто прислушиваясь к чему-то.

– Доктор Морозова? – позвал он по коммуникатору.

Она вздрогнула:

– Да, я в порядке. Просто... это было странное ощущение. Как будто... – она запнулась, – как будто что-то прикоснулось к моему разуму. На мгновение.

– Возвращайтесь на базу, – твердо сказал Алекс. – Немедленно. Мы должны убедиться, что это воздействие не причинило вреда.

Группа начала отступление, двигаясь к «Тритону» быстрее, чем пришла. Свечение за их спинами продолжало пульсировать, но больше не формировало направленных лучей.

– Данные с костюмов показывают небольшие изменения в биохимических показателях всей группы, – тихо сказал Зак, изучая мониторы. – Ничего критического, но определенно есть воздействие.

– Какого рода?

– Повышенный уровень адреналина, изменения в мозговой активности, особенно в участках, отвечающих за обработку сенсорной информации.

Алекс нахмурился. Это могло быть просто реакцией на стресс, но с учетом того, что они узнали о трансформирующих частицах, нельзя было исключать более серьезное воздействие.

Группа благополучно достигла базы и вошла в шлюзовую камеру. Процедура дезактивации и очистки костюмов заняла около пятнадцати минут. Алекс ждал их у выхода из шлюзового отсека, наблюдая через стекло за процессом.

Когда внутренний люк наконец открылся, он увидел, что все четверо выглядят уставшими, но внешне невредимыми. Елена сняла шлем, и Алекс заметил, что ее глаза кажутся более яркими, чем раньше, с едва заметным голубоватым оттенком.

– Все в медицинский отсек, – распорядился Хоук. – Полное обследование перед дебрифингом.

– Я в порядке, – возразил Стивенс. – Нужно обработать собранные данные...

– Без исключений, майор, – твердо сказал Хоук. – Безопасность прежде всего.

Когда группа направилась в медицинский отсек, Алекс придержал Елену за руку:

– Что ты на самом деле почувствовала там?

Она огляделась, убедившись, что никто не слышит:

– Это было как... ментальный контакт. Очень короткий, но интенсивный. Как будто что-то или кто-то попытался установить связь.

– И что именно... передавалось?

– Не слова, – она покачала головой. – Скорее... образы, эмоции. Любопытство, в основном. И что-то вроде... узнавания? – она выглядела озадаченной. – Как будто объект распознал во мне что-то знакомое.

Алекс понимал, что это, вероятно, связано с начавшейся у нее трансформацией. Объект мог воспринимать ее как уже частично интегрированную в свою систему.

– Линии на твоей коже, – тихо спросил он. – Они изменились?

– Я не проверяла, – она посмотрела на свое предплечье, скрытое рукавом костюма. – Но я чувствую... тепло. И легкое покалывание.

– Иди на обследование, – сказал он. – Но будь осторожна с тем, что говоришь медикам. Мы все еще не знаем, кому можно доверять.

Она кивнула и пошла догонять остальных. Алекс смотрел ей вслед, чувствуя растущую тревогу. Контакт был установлен, и древний объект явно проявлял активный интерес к исследователям. Что это означало для миссии и для них лично, еще предстояло выяснить.

Но одно было ясно – они пересекли точку невозврата. Первый контакт состоялся, и теперь им предстояло иметь дело с последствиями, какими бы они ни были.

Глава 3: «Под давлением»

Мир вокруг них превратился в хаос.

Алекс пришел в себя от удара о стену мини-субмарины. Вокруг мигал аварийный красный свет, а из динамиков раздавался пронзительный сигнал тревоги. Тошнотворный привкус адреналина наполнил рот. Он быстро осмотрелся, оценивая ситуацию – профессиональная привычка, которую не могли стереть даже 800 метров воды над головой.

«Нептун» накренился под углом примерно в тридцать градусов. Прозрачный передний купол был цел, но по нему шла тонкая паутина трещин, которые постепенно расширялись под чудовищным давлением глубины. За стеклом клубилась мутная взвесь, сквозь которую едва пробивались лучи внешних прожекторов.

– Повреждение обшивки в секторах C и D, – голос Хоука звучал напряженно, но контролируемо. Он быстро работал с панелью управления, пытаясь стабилизировать подводный аппарат. – Система жизнеобеспечения функционирует на шестьдесят процентов. Основные двигатели отключены.

Алекс перевел взгляд на остальных членов экипажа. Елена, ремень безопасности которой частично сорвало при ударе, пыталась остановить кровь из рассеченной брови. Зак, бледный, но собранный, уже проверял свой компьютерный терминал.

– Связь с «Тритоном» и «Гермесом» потеряна, – сообщил техник, быстро набирая команды. – Что-то блокирует сигнал.

– Ты можешь восстановить? – спросил Алекс, отстегивая ремень безопасности.

– Работаю над этим, – кивнул Зак, не отрываясь от экрана. – Но что бы ни вызвало это возмущение, оно пока сильнее наших систем связи.

Алекс осторожно подошел к Елене:

– Как ты?

– Жить буду, – она попыталась улыбнуться, но вышла скорее гримаса боли. – Что произошло?

– Мы вошли в какое-то энергетическое поле, – ответил Хоук. – Оно отключило наши двигатели и навигационные системы. Мы потеряли управление и столкнулись с одной из внешних структур купола.

– Насколько серьезны повреждения? – спросил Алекс, возвращаясь к переднему пульта и проверяя показания.

– Критических пробоин нет, но внешняя обшивка нарушена в нескольких местах. Давление стабильно, но постепенно растет. У нас примерно час, может два, прежде чем придется эвакуироваться.

Алекс сверился с внешними камерами, которые еще функционировали. «Нептун» завис на краю странной платформы, которая, судя по всему, была частью внешней структуры купола. За платформой виднелись смутные очертания арок и колонн, частично засыпанных илом и обросших морскими организмами.

– Где мы относительно «Тритона»?

Хоук покачал головой:

– Навигационная система не работает. Судя по пройденному расстоянию до аварии, база должна находиться примерно в километре к северо-востоку. Но это лишь грубая оценка.

– Слишком далеко, чтобы добраться без транспорта, – констатировал Алекс.

– Особенно учитывая глубину, – добавила Елена, прикладывая стерильную повязку к рассеченной брови. – На такой глубине без костюмов с системой поддержки давления мы просто погибнем.

Алекс окинул взглядом мини-субмарину, отмечая повреждения и доступное оборудование. Ситуация была критической, но не безнадежной.

– У нас есть четыре аварийных глубоководных костюма, – сказал он. – Рассчитаны на автономную работу до шести часов. Этого должно хватить, чтобы добраться до «Тритона».

– Если мы сможем его найти, – заметил Зак. – Без навигации мы можем просто кружить в темноте.

– На этой глубине обычные компасы не работают из-за магнитных аномалий, – кивнул Хоук. – Но я могу использовать старые военные методы ориентирования – по рельефу дна и по течениям.

– У меня есть идея получше, – внезапно сказала Елена, поднимаясь на ноги. Она подошла к своему рюкзаку с оборудованием, достала небольшое устройство, похожее на модифицированный эхолот. – Это биоакустический сканер. Я работала с ним на «Посейдоне». Он регистрирует уникальные акустические сигнатуры подводных объектов, включая искусственные конструкции.

– «Тритон» должен иметь характерный акустический профиль, – понял Алекс.

– Именно, – кивнула Елена. – К тому же, база наверняка ведет активный поиск, используя собственные акустические сигналы. Мы сможем засечь их и использовать как маяк.

– Хорошо, – решил Хоук. – План такой: эвакуируемся в аварийных костюмах, используем биоакустический сканер для навигации к «Тритону». Зак, что ты можешь взять из оборудования?

– Минимум, – ответил техник, уже упаковывая свой миниатюрный компьютер в водонепроницаемый контейнер. – Основной блок, несколько датчиков и портативный источник питания. Всё остальное придется оставить.

– Берите только самое необходимое, – сказал Алекс. – Каждый грамм веса имеет значение на такой глубине.

Следующие пятнадцать минут они потратили на подготовку к эвакуации. Аварийные костюмы, хранившиеся в специальном отсеке, представляли собой упрощенную версию тех, что использовались для планового выхода – меньше дополнительного оборудования, но такая же эффективная защита от давления и холода.

Пока Хоук готовил шлюзовую камеру к экстренной эвакуации, Алекс помогал Елене с костюмом, проверяя каждое соединение и герметичное уплотнение. Он заметил, что ее руки слегка дрожат.

– Ты точно в порядке? – тихо спросил он.

– Просто небольшой шок и головная боль, – ответила она. – Ничего серьезного.

Но Алекс видел в ее глазах что-то еще – странное напряжение, которое не было связано только с травмой или стрессом. Словно она прислушивалась к чему-то, что никто больше не мог услышать.

– Если почувствуешь что-то необычное, скажи мне, – настоял он, незаметно касаясь ее предплечья, где ранее видел голубоватые линии.

Елена на мгновение замерла, затем кивнула, понимая скрытый смысл его слов.

– Обещаю.

Когда все были готовы, Хоук провел финальную проверку оборудования:

– Связь только по ближней акустической системе. Максимальная дальность – около пятидесяти метров. Держимся вместе, видим друг друга постоянно. Если кто-то отстает или теряется из вида – немедленно сигнализируйте. Алекс идет первым, я замыкаю. Понятно?

Все кивнули. Хоук запустил процедуру экстренного затопления шлюзовой камеры, обходя стандартные протоколы безопасности.

– Приготовьтесь к давлению, – предупредил он, активируя систему компенсации в костюмах. – Даже с защитой вы почувствуете дискомфорт.

Вода начала заполнять шлюзовую камеру, сначала медленно, затем все быстрее. Алекс почувствовал, как костюм слегка сжимается вокруг тела, адаптируясь к возрастающему давлению. Дыхание стало тяжелее, но регуляторы справлялись, подавая обогащенную кислородом смесь.

Когда камера полностью заполнилась водой, внешняя дверь открылась, и перед ними предстала непроглядная темнота глубины, едва рассеиваемая фонарями на их шлемах.

– Вперед, – скомандовал Алекс и первым вышел наружу.

Мир на глубине 800 метров казался сюрреалистическим и чужеродным. Слабый свет фонарей создавал призрачные коридоры в черной пустоте, выхватывая из темноты фрагменты древней архитектуры, застывшие в вечном безмолвии. Вода была плотной, осязаемой, словно они двигались не в жидкости, а в густом, полупрозрачном желе.

Алекс активировал небольшие двигатели на костюме, которые помогали преодолевать сопротивление воды. Остальные последовали его примеру, и маленькая группа начала медленно продвигаться вдоль края платформы, на которую опрокинулся «Нептун».

– Держите постоянный визуальный контакт, – напомнил Алекс через акустическую систему связи. – И экономьте энергию батарей. Если что-то случится с двигателями, придется грести вручную.

Они двигались цепочкой: Алекс впереди, за ним Елена с биоакустическим сканером, Зак с компьютерным оборудованием и, наконец, Хоук, постоянно оглядываясь назад, чтобы убедиться, что никто не преследует их.

Елена периодически проверяла показания сканера:

– Улавливаю слабые акустические сигналы с направления примерно два-три часа от нашего текущего курса, – сообщила она. – Но есть помехи. Что-то в этих структурах искажает звуковые волны.

Алекс посмотрел в указанном направлении. Там, за грядой странных конструкций, напоминающих одновременно коралловые рифы и руины древних храмов, виднелось слабое голубоватое свечение.

– Что это за свет? – спросил Зак, тоже заметивший странное явление.

– Биолюминесценция? – предположила Елена. – На такой глубине многие морские организмы светятся.

– Слишком интенсивно и равномерно для природной биолюминесценции, – возразил Хоук. – Больше похоже на искусственный источник.

Алекс принял решение:

– Мы не будем приближаться к источнику света. Слишком рискованно. Обойдем эту зону и продолжим движение к сигналам базы.

Они начали огибать светящийся район, продвигаясь вдоль границы древнего города. По мере продвижения становились заметны удивительные архитектурные особенности руин – изгибающиеся конструкции, которые, казалось, бросают вызов законам физики; странные материалы, мерцающие под лучами их фонарей; геометрические узоры, высеченные на поверхностях колонн и арок.

– Это невероятно, – прошептала Елена, ненадолго останавливаясь, чтобы изучить особенно хорошо сохранившийся участок стены. – Посмотрите на эти узоры – они напоминают молекулярные структуры ДНК, но... другие, измененные.

– Нам нельзя задерживаться, – напомнил Хоук. – У костюмов ограниченный запас кислорода.

– Еще минуту, – попросила Елена, приближаясь к стене. – Я должна это задокументировать.

Она активировала встроенную в шлем камеру и начала фиксировать странные узоры. Алекс заметил, как ее рука, державшая сканер, непроизвольно потянулась к поверхности стены.

– Елена, не прикасайся! – резко сказал он.

Она вздрогнула и отдернула руку, как будто очнувшись от транса:

– Прости, я... не знаю, что на меня нашло. Как будто оно... звало меня.

Алекс обменялся обеспокоенными взглядами с Хоуком. Поведение Елены становилось все более странным, и это могло быть связано не только с травмой головы.

– Нам нужно двигаться, – настоял Алекс. – Сейчас главное – добраться до базы.

Елена кивнула и вернулась в строй. Они продолжили путь, стараясь держаться подальше от источника голубоватого свечения, но постепенно стало очевидно, что этот свет распространяется дальше, чем казалось изначально. Он пронизывал структуры древнего города тонкими нитями, словно система кровеносных сосудов живого организма.

– Сигналы с «Тритона» становятся сильнее, – сообщила Елена после очередной проверки сканера. – Но нам придется пройти через ту арку, – она указала на массивную конструкцию впереди, под которой пульсировало особенно интенсивное свечение.

Алекс задумался. Обходной путь означал бы потерю драгоценного времени и запаса кислорода, но пересечение светящейся зоны могло быть опасным.

– Зак, что показывают твои сенсоры? – спросил он.

Техник проверил данные на своем портативном компьютере:

– Электромагнитная активность повышена, но не критично. Химический состав воды изменен – повышенная концентрация неизвестных органических соединений. Но наши костюмы должны обеспечить адекватную защиту.

– Хоук?

Командер оценил ситуацию:

– Запас кислорода уже на 65%. Обходной маршрут может оказаться слишком долгим. Я за то, чтобы пройти через арку, но с максимальной осторожностью.

Алекс принял решение:

– Хорошо. Проходим быстро, не останавливаясь. Никаких контактов с объектами. Держим постоянную связь.

Они направились к арке, которая становилась все более внушительной по мере приближения. Её высота составляла не менее пятнадцати метров, а ширина – около десяти. Поверхность была покрыта тем же странным материалом, что и другие структуры, но здесь он казался более... живым. По нему пробегали волны голубоватого света, образуя сложные, постоянно меняющиеся узоры.

Когда они приблизились вплотную, Алекс почувствовал странную вибрацию, проходящую через его костюм. Не механическую, а скорее... энергетическую. Как будто что-то резонировало с самой структурой молекул его тела.

– Вы это чувствуете? – спросил Зак напряженным голосом.

– Да, – ответил Хоук. – Похоже на ультранизкочастотные колебания. Наши костюмы должны компенсировать большую часть воздействия.

– Это не обычная вибрация, – тихо сказала Елена. – Это... коммуникация.

– Что? – Алекс резко повернулся к ней.

– Я не знаю, как это объяснить, – она выглядела одновременно растерянной и замороженной. – Но это напоминает определенный тип сигналов, которые используют некоторые морские млекопитающие для навигации и общения. Только намного более сложный.

– Ты можешь понять, что именно... передается? – осторожно спросил Алекс.

– Нет, это не конкретные сообщения. Скорее... паттерны. Ритмы. Как музыка без звука.

Хоук выглядел встревоженным:

– Нам нужно пройти через арку как можно быстрее. Это воздействие может быть опасно. Они ускорили движение и вошли под арку. Здесь свечение было настолько интенсивным, что почти не требовалось дополнительного освещения. Вибрация усилилась, и Алекс почувствовал странное давление в голове, не связанное с физическим давлением глубины.

Зак внезапно вскрикнул:

– Мой компьютер! Он... перезагружается сам по себе!

На экране его устройства мелькали странные символы – спирали, волнистые линии, геометрические фигуры, напоминающие те, что они видели на стенах.

– Отключи его, – приказал Алекс. – Немедленно!

Зак попытался выключить компьютер, но безуспешно:

– Не реагирует на команды! Как будто кто-то перехватил управление!

В этот момент Елена вдруг замерла, глядя на стену арки. Её взгляд был неестественно фиксирован, а тело напряжено.

– Елена? – позвал Алекс, подплывая ближе.

Она медленно повернулась к нему, и он с тревогой заметил, что её глаза светятся тем же голубоватым светом, что и структуры вокруг.

– Я... слышу их, – прошептала она. – Они... пробуждаются.

– Кто пробуждается? – напряженно спросил Хоук.

Но Елена не ответила. Вместо этого она протянула руку к стене арки. Прежде чем Алекс успел остановить её, её пальцы коснулись светящейся поверхности.

Эффект был мгновенным и драматичным. Вибрация резко усилилась, превратившись в пульсирующую волну, которая прошла через всю арку. Свечение стало ярче, почти ослепляющим, а затем сконцентрировалось вокруг руки Елены, как будто притягиваясь к ней.

– Отпусти! – крикнул Алекс, пытаясь оттащить её.

Елена моргнула, её глаза прояснились, и она с ужасом отдернула руку:

– Что... что произошло?

– Ты впала в какой-то транс, – объяснил Алекс, держа её за плечи. – Ты в порядке?

– Я... думаю, да, – неуверенно ответила она. – Это было странно. Как будто я слышала... голоса. Множество голосов, говорящих одновременно, но на языке, который я не понимаю.

Хоук приблизился к ним, его лицо за стеклом шлема было напряженным:

– Мы должны выбраться отсюда. Сейчас же.

Они ускорились, используя двигатели костюмов на максимальной мощности, и через несколько мучительно долгих секунд оказались на другой стороне арки. Свечение и вибрация постепенно ослабевали по мере удаления.

Зак проверил свой компьютер:

– Система перезагрузилась. Выглядит нормально, но... – он нахмурился, – некоторые файлы изменены. И появились новые.

– Какие файлы? – спросил Алекс.

– В основном данные сканирования и анализа, которые мы собрали о куполе. Они... реструктурированы. И добавлены странные метаданные, которые я не могу расшифровать.

– Это может быть форма информационного заражения, – предположил Хоук. – Как компьютерный вирус, но гораздо более сложный.

Алекс повернулся к Елене, которая всё ещё выглядела потрясенной:

– А ты? Что ты чувствуешь?

Она медленно покачала головой:

– Трудно описать. Как будто что-то... прикоснулось к моему разуму. На мгновение мне показалось, что я понимаю язык этих структур, что они... живые, в каком-то смысле.

– Это может быть эффект галлюцинации из-за травмы головы, – предположил Хоук, но в его голосе слышалось сомнение.

– Нет, – твердо сказала Елена. – Это было реально. И... – она замялась, – это не первый раз. Я чувствовала нечто подобное на «Посейдоне», когда мы впервые обнаружили купол. Только тогда эффект был слабее.

Алекс обменялся обеспокоенным взглядом с Хоуком. Он знал о голубоватых линиях на коже Елены, но командер, похоже, не был в курсе начавшейся трансформации. И, возможно, пока лучше было сохранить это в тайне.

– Мы обсудим это позже, – решил Алекс. – Сейчас нам нужно продолжать движение к базе. Елена, сканер все еще работает?

Она проверила устройство:

– Да, и сигналы стали гораздо четче. «Тритон» должен быть примерно в полукилометре в том направлении, – она указала в сторону от руин.

– Хорошо, – кивнул Алекс. – Держимся вместе и не приближаемся больше к светящимся структурам.

Они продолжили путь, постепенно выбираясь из зоны древнего города. По мере удаления от руин интенсивность странного свечения уменьшалась, а вместе с ним ослабевало и гнетущее чувство наблюдения, которое преследовало Алекса с момента выхода из «Нептуна».

Когда они оказались на открытом участке морского дна, покрытого песком и редкими скальными выходами, стало заметно легче дышать. Даже сквозь систему фильтрации костюмов воздух казался более чистым, менее... насыщенным неизвестным присутствием.

– Запас кислорода 45%, – сообщил Хоук после проверки. – Мы должны достичь базы в течение получаса, если сохраним текущую скорость.

Елена периодически сверялась со сканером:

– Сигналы становятся все четче. Думаю, «Тритон» посылает усиленные акустические импульсы, чтобы помочь нам сориентироваться.

Зак, всё еще озадаченный странным поведением своего компьютера, погрузился в анализ измененных файлов:

– Знаете, это не похоже на случайные повреждения данных, – задумчиво произнес он. – Эти изменения... систематические. Как будто кто-то или что-то пыталось реорганизовать информацию в более... эффективную структуру.

– Ты имеешь в виду, что это была целенаправленная модификация? – спросил Алекс.

– Именно, – кивнул Зак. – И самое странное, что некоторые из новых алгоритмов, появившихся в системе... они работают лучше оригинальных. Эффективнее. Элегантнее, с точки зрения программирования.

– Как будто система получила апгрейд, – мрачно заметил Хоук.

– Или была переформатирована для взаимодействия с чем-то другим, – тихо добавила Елена.

Алекс решил сменить тему, чтобы не усиливать и без того напряженную атмосферу:

– Как думаете, что скажем на базе о потере «Нептуна»?

– Правду, – ответил Хоук. – Мы столкнулись с неизвестным энергетическим полем, которое вывело из строя наши системы управления. Это не ошибка экипажа, а неизвестное проявление объекта, который мы изучаем.

– А о том, что случилось под аркой? – тихо спросила Елена.

Хоук помедлил, затем ответил:

– Об этом я доложу лично доктору Хаасу и капитану. Некоторые детали... могут быть неправильно интерпретированы, если станут общедоступными.

Алекс понял, что командер пытается защитить Елену. Учитывая паранойю вокруг возможной «инфекции», сообщение о её странном поведении могло привести к изоляции или еще хуже.

– Согласен, – кивнул он. – Мы упомянем факт усиленной электромагнитной активности и временного сбоя оборудования, но без ненужных деталей.

Елена бросила на него благодарный взгляд.

Они продолжали движение, и вскоре в слабом свете их фонарей появились очертания искусственной конструкции – база «Тритон» возвышалась над морским дном, окруженная прожекторами, создававшими остров света в вечной тьме глубины.

– Вижу базу, – с облегчением сообщил Зак. – Расстояние около трехсот метров.

– Отлично, – Алекс активировал акустический маяк своего костюма, подавая сигнал бедствия в стандартном морском формате. – Теперь они должны нас заметить.

Действительно, через несколько секунд внешние прожекторы базы повернулись в их сторону, и два подводных дрона отделились от конструкции, направляясь к ним.

– «Нептун-1», это «Тритон», – раздался в их коммуникаторах голос майора Стивенса. – Мы фиксируем четыре человека в аварийных костюмах. Подтвердите вашу личность.

– «Тритон», это Хоук. Со мной Рейнер, Морозова и Ченг. «Нептун» потерял из-за столкновения с неизвестным энергетическим полем. Запрашиваем экстренную эвакуацию и медицинскую помощь.

– Принято, командер. Дроны сопровождают вас к шлюзовой камере. Медицинская бригада готова.

Дроны приблизились, окружив четверку, и сопровождали их к базе. По мере приближения к «Тритону» Алекс чувствовал нарастающее облегчение. Они пережили серьезную аварию и странный контакт с древней технологией, но все еще были живы и относительно невредимы. По крайней мере, физически.

Шлюзовая камера базы открылась, приглашая их внутрь. Когда они проплыли в камеру, внешние двери закрылись, и началась процедура откачки воды.

– Наконец-то, – выдохнул Зак. – Не думал, что буду так рад видеть эту консервную банку.

Алекс промолчал, наблюдая за Еленой. Она стояла неподвижно, глядя на свою руку, которой прикасалась к светящейся арке. Даже сквозь перчатку костюма можно было заметить слабое голубоватое свечение, пульсирующее под материалом.

Медицинский отсек базы «Тритон» был оборудован по последнему слову техники, несмотря на ограниченное пространство. Компактные диагностические установки, система реанимации, хирургический модуль – всё необходимое для оказания экстренной помощи в экстремальных условиях.

Корабельный врач, доктор Лиам Коллинз – невысокий, плотного телосложения мужчина с аккуратной бородкой – методично осматривал каждого из выживших после аварии «Нептуна».

– Рассечение брови, сотрясение легкой степени, ушибы мягких тканей, – перечислял он, обрабатывая рану Елены. – Учитывая обстоятельства, вам удивительно повезло, доктор Морозова.

– Спасибо, доктор, – слабо улыбнулась она. – Как долго придется носить эту повязку?

– Дня два-три, не больше. Рана неглубокая, а современные регенеративные препараты значительно ускоряют заживление.

Алекс, сидевший на соседней койке с наклеенной бактерицидной пластырем на ссаженном плече, внимательно наблюдал за осмотром. Он заметил, как доктор Коллинз нахмурился, глядя на показания портативного сканера, проведенного над предплечьем Елены.

– Что-то не так? – спросил он, стараясь звучать непринужденно.

– Хм, необычные показатели, – задумчиво ответил врач. – Повышенная метаболическая активность, усиленное клеточное деление... Доктор Морозова, у вас есть какие-то хрониче-

ские заболевания или генетические особенности, которые не указаны в вашей медицинской карте?

Елена бросила быстрый взгляд на Алекса, затем ответила:

– Нет, насколько мне известно. Возможно, это реакция на стресс или последствия контакта с аномальной средой?

Коллинз задумчиво постучал пальцем по подбородку:

– Возможно. Мы все еще мало знаем о влиянии окружающей среды в зоне купола на человеческий организм. Я бы хотел провести дополнительное сканирование, если вы не возражаете.

– Конечно, – кивнула Елена, стараясь выглядеть спокойной.

Врач отошел к основному диагностическому комплексу, чтобы подготовить его к работе. Алекс воспользовался моментом и тихо спросил:

– Ты что-нибудь чувствуешь?

– Жжение, – также тихо ответила она. – И странную пульсацию, как будто что-то движется под кожей. Но самое странное – я не испытываю страха. Только... любопытство.

– Профессиональная деформация? – попытался пошутить Алекс, но его улыбка была натянутой.

– Возможно, – она не улыбнулась в ответ. – Алекс, если эти изменения прогрессируют, мне нужно изучить их, понять механизм. Это может быть ключом к пониманию всего происходящего.

– И как ты собираешься это делать? Если доктор Коллинз обнаружит аномалии, он обязан доложить командованию. Тебя могут изолировать, как других инфицированных.

– Я знаю, – она сжала его руку. – Поэтому мне понадобится твоя помощь. Доступ к оборудованию, образцы, время... Я должна разобраться в этом, прежде чем станет слишком поздно.

Алекс посмотрел в ее глаза, ища признаки изменения личности, чужеродного влияния. Но видел только знакомую решимость и научное любопытство, которые всегда определяли Елену Морозову.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Но мы установим границы. Если изменения зайдут слишком далеко, если ты начнешь... терять себя, мы прекращаем эксперимент.

– Договорились, – кивнула она.

Их разговор прервал вернувшийся доктор Коллинз:

– Доктор Морозова, аппарат готов. Это займет всего несколько минут.

Пока Елена проходила обследование, в медицинский отсек вошли майор Стивенс и Ана Сантос.

– Рейнер, – кивнул Стивенс. – Рад видеть вас в относительном порядке. Хоук сообщил о случившемся. Похоже, купол становится все более... активным.

– Это еще мягко сказано, – отозвался Алекс. – То, что мы видели там, выходит за рамки обычных электромагнитных аномалий. Это больше похоже на... систему защиты. Или коммуникации.

– Интересная теория, – вмешалась Ана Сантос. – Особенно в свете последних расшифровок символов, которые мы обнаружили на периферии купола.

– Вы что-то нашли? – заинтересовался Алекс.

Лингвист кивнула:

– Пока только фрагменты, но они складываются в интригующую картину. Судя по всему, символы на внешних структурах описывают некую... систему преобразования.

– Преобразования чего?

– Вот в этом вопрос, – задумчиво произнесла Ана. – В контексте их использования я бы перевела это как «перерождение» или «эволюция». Но есть и другие возможные интерпретации: «трансформация», «адаптация»...

Алекс почувствовал холодок вдоль позвоночника. Эти термины слишком хорошо соответствовали тому, что происходило с зараженными членами экипажа «Посейдона».

– Есть что-нибудь о цели этих трансформаций? Или о том, кто их создал?

– Пока нет, – покачала головой Ана. – Но я работаю над этим. Фотографии, которые сделала доктор Морозова, очень помогут. Там есть символы, которые мы еще не встречали.

Майор Стивенс, до этого молча слушавший их разговор, вмешался:

– Все это очень интересно с научной точки зрения, но мы не должны забывать о потенциальной угрозе. Потеря «Нептуна» – серьезный удар по нашим возможностям. Нам нужно пересмотреть протоколы безопасности для дальнейших погружений.

– Согласен, – кивнул Алекс. – Особенно учитывая, что купол, похоже, способен взаимодействовать с нашими электронными системами. Компьютер Зака был... модифицирован после контакта с энергетическим полем.

– Модифицирован? – насторожился Стивенс. – В каком смысле?

– Какие-то файлы были изменены, появились новые алгоритмы. Зак сейчас анализирует их с помощью изолированной системы.

– Это нужно немедленно доложить командованию, – решительно сказал Стивенс. – Информационное заражение может быть не менее опасным, чем биологическое.

В этот момент доктор Коллинз закончил обследование Елены и подошел к ним с планшетом, на котором отображались результаты сканирования.

– Интересные данные, – сказал он, обращаясь к Елене. – Ваш организм демонстрирует необычно высокую регенеративную активность. Рана на лбу уже начала заживать с скоростью, в несколько раз превышающей норму.

– Это опасно? – спросил Алекс, стараясь звучать просто обеспокоенно, а не напряженно.

– Не могу сказать с уверенностью, – задумчиво ответил Коллинз. – С одной стороны, ускоренное заживление ран – это положительный фактор. С другой – такие изменения метаболизма могут иметь непредсказуемые последствия в долгосрочной перспективе. Я бы рекомендовал регулярный мониторинг.

– Разумеется, доктор, – кивнула Елена. – Я буду приходить на ежедневные проверки.

– Отлично, – Коллинз сделал пометку в своем планшете. – А пока рекомендую отдых. Несмотря на ускоренную регенерацию, ваше тело все равно пережило серьезный стресс.

Когда Коллинз отошел, чтобы проверить состояние Зака, Стивенс тихо спросил у Елены:

– Это имеет отношение к контакту с энергетическим полем купола?

– Возможно, – осторожно ответила она. – Нам известно, что купол каким-то образом влияет на биологические организмы. Возможно, я подверглась минимальному воздействию, которое стимулировало регенеративные процессы.

– Вам нужно сообщить об этом доктору Хаасу, – сказала Ана. – Он особенно заинтересован в таких... адаптивных реакциях.

Алекс отметил странную интонацию, с которой лингвист произнесла последние слова. Как будто она знала что-то, чего не знали остальные.

– Обязательно доложу, – кивнула Елена. – Как только завершу базовый анализ.

– Хорошо, – Стивенс выглядел не полностью удовлетворенным, но решил не настаивать. – Брифинг для всех участников инцидента через два часа в центральном отсеке. Доктор Хаас хочет лично услышать, что произошло.

Когда Стивенс и Ана ушли, Алекс помог Елене подняться с диагностической кушетки.

– Ты действительно собираешься рассказать Хаасу о своем... состоянии? – тихо спросил он.

– Не всё, – так же тихо ответила она. – Только то, что нельзя скрыть. О голубых линиях и странных ощущениях под аркой умолчу, пока не пойму, что происходит.

– Правильно, – кивнул Алекс. – Мне не нравится, как Хаас и Ана интересуются «адаптивными реакциями». Как будто они ожидали чего-то подобного.

– Или надеялись на это, – задумчиво добавила Елена. – Мне нужно попасть в лабораторию, взять образцы своей крови и тканей, пока изменения прогрессируют. Это может быть ключом к пониманию технологии атлантов.

– Я помогу тебе получить доступ, – пообещал Алекс. – Но сначала отдохни. Даже с ускоренной регенерацией твоему телу нужно восстановиться.

Елена согласилась, и они покинули медицинский отсек, направляясь к жилым помещениям базы. По пути они встретили нескольких ученых и техников, которые с любопытством рассматривали выживших после аварии «Нептуна».

Каюты на «Тритоне» были крошечными, практически капсулами для сна, оборудованными минимально необходимыми удобствами. Когда они подошли к каюте, назначенной Елене, она внезапно пошатнулась и прислонилась к стене.

– Что случилось? – встревоженно спросил Алекс, поддерживая её.

– Головокружение, – прошептала она. – И... жар. Как будто меня лихорадит.

Он помог ей войти в каюту и сесть на узкую койку. В тусклом свете каюты её лицо казалось бледным, с нездоровым румянцем на щеках. Пот выступил на лбу, несмотря на прохладный воздух базы.

– Может, позвать доктора Коллинза? – предложил Алекс.

– Нет, – решительно покачала головой Елена. – Это... часть процесса. Я чувствовала подобное и раньше, после первого контакта на «Посейдоне». Это пройдет.

Она закатала рукав, и Алекс увидел, что голубоватые линии на её предплечье стали ярче и распространились дальше, почти до запястья. Они пульсировали в такт с её участвующимся сердцебиением.

– Это происходит быстрее, чем я ожидала, – тихо сказала Елена, изучая изменения на своей коже. – Контакт с аркой, должно быть, ускорил процесс.

– Что ты чувствуешь, кроме жара? – спросил Алекс, присаживаясь рядом.

– Странную... ясность, – задумчиво ответила она. – Как будто все мои чувства обострились. Я слышу гудение электрических систем базы, ощущаю вибрации от работы гидравлических механизмов. И... – она замялась, – я чувствую присутствие купола. Даже на таком расстоянии. Как будто он... зовет меня.

Алекс напрягся:

– Это влияет на твои мысли? На решения?

– Нет, – уверенно ответила Елена. – Это больше похоже на... осознание присутствия. Как когда ты знаешь, что кто-то смотрит на тебя, даже не видя его. Я всё ещё я, Алекс, – она взяла его за руку. – Просто... с расширенным восприятием.

Он внимательно посмотрел ей в глаза, ища признаки чужеродного влияния, и с облегчением не нашел их. Это всё ещё была Елена Морозова – умная, решительная женщина-ученый, с которой он познакомился на «Гермесе». Возможно, измененная физически, но ментально – всё та же.

– Я верю тебе, – наконец сказал он. – Но обещай, что скажешь мне, если почувствуешь, что что-то меняется. Если появятся... голоса или побуждения, которые не кажутся твоими собственными.

– Обещаю, – она слабо улыбнулась. – А теперь мне действительно нужно отдохнуть. Этот жар... выматывает.

Алекс помог ей лечь и убедился, что у нее есть вода и коммуникатор в пределах досягаемости.

– Я буду проверять тебя каждый час, – сказал он. – И помни – два часа до брифинга с Хаасом.

- Спасибо, – прошептала она, уже закрывая глаза. – За то, что не боишься меня.
- Я боюсь многого, – тихо ответил Алекс. – Но точно не тебя.

Он вышел из каюты, тихо закрыв за собой дверь, и направился к центральному отсеку базы. Ему нужно было обдумать ситуацию и подготовиться к предстоящему брифингу. Что именно рассказывать о случившемся под аркой? Как объяснить потерю «Нептуна» без упоминания странной реакции Елены на древнюю технологию?

Проходя мимо лаборатории, он заметил Зака, склонившегося над своим компьютером. Молодой техник был полностью поглощен анализом измененных файлов, его пальцы быстро летали над клавиатурой.

- Нашел что-нибудь интересное? – спросил Алекс, заходя в лабораторию.

Зак вздрогнул от неожиданности:

- А? О, Рейнер. Да, много интересного. Слишком много, если честно.

– Например?

– Например, эти модифицированные алгоритмы, – Зак указал на экран, где строки кода сменяли друг друга с головокружительной скоростью. – Они не просто эффективнее оригинальных. Они используют принципы программирования, которые... не существуют в современной компьютерной науке.

- Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, – Зак выглядел одновременно взволнованным и напуганным, – что это как если бы программист из 2300 года внезапно модифицировал мой код. Это на много поколений опережает наши текущие методы. Самоадаптирующиеся структуры данных, квантовые алгоритмы для обычного процессора, нейроморфные вычисления без специального оборудования...

- И что эти алгоритмы делают? – насторожился Алекс.

– В основном обрабатывают данные о куполе, – ответил Зак. – Но есть кое-что еще. – Он открыл новое окно на экране. – Видишь эти последовательности? Это что-то вроде... инструкций. Для построения нового устройства, которое сможет лучше взаимодействовать с куполом.

- Устройства?

– Да, что-то вроде интерфейса между нашими компьютерами и... чем бы ни была эта древняя технология. По сути, переводчик.

Алекс задумался. Если купол действительно пытался коммуницировать, создание такого интерфейса могло быть ключом к пониманию его назначения и функций. Но это также могло быть троянским конем – средством, с помощью которого древняя система могла получить больший контроль над их технологиями.

- Ты собираешься создать это устройство? – осторожно спросил он.

– Я... не знаю, – честно признался Зак. – С одной стороны, это невероятная возможность. С другой – я не могу быть уверен в намерениях... источника этой информации.

– Разумная осторожность, – одобрил Алекс. – Я бы рекомендовал не спешить и проконсультироваться с доктором Хаасом и командером Хоуком прежде, чем предпринимать какие-либо действия.

– Конечно, – кивнул Зак. – Я собираюсь представить эти данные на брифинге. Просто... это так захватывает! Представь технологию, способную не только модифицировать наши компьютеры, но и человеческую биологию. Что, если это не два разных воздействия, а разные проявления одного и того же принципа? Если для этой системы нет разницы между органическим и неорганическим?

Эта мысль уже приходила в голову Алексу, особенно после того, как он увидел прогресс изменений у Елены.

– Возможно, ты прав, – задумчиво сказал он. – Но это только повод быть еще более осторожными. Технология, не различающая живое и неживое, может быть невероятно мощной... и невероятно опасной.

Зак кивнул, возвращаясь к своему анализу. Алекс оставил его и продолжил путь к центральному отсеку. Там он обнаружил Хоука и Стивенса, обсуждающих планы дальнейших действий.

– Рейнер, – Хоук заметил его приближение. – Как ты?

– В норме, – ответил Алекс. – Несколько ушибов, ничего серьезного.

– А доктор Морозова? – спросил Стивенс.

– Отдыхает. У неё сотрясение и рассечение брови, но доктор Коллинз говорит, что заживление идет необычно быстро.

Хоук и Стивенс обменялись взглядами.

– Это связано с тем, что произошло под аркой? – тихо спросил Хоук.

– Возможно, – Алекс не видел смысла отрицать очевидное. – Что-то в этой технологии влияет на человеческую физиологию. Мы все это знаем после случая с экипажем «Посейдона».

– Вопрос в том, насколько далеко зашло это влияние и обратимо ли оно, – сказал Стивенс. – Доктор Хаас особенно заинтересован в этом аспекте.

– Почему? – спросил Алекс. – Что такого особенного в реакции Елены?

– Потому что она демонстрирует признаки контролируемой трансформации, – раздался новый голос.

Они обернулись и увидели доктора Хааса, входящего в отсек. Несмотря на то, что база находилась на глубине 800 метров, он выглядел безупречно – тот же идеально сидящий костюм, аккуратно уложенные седые волосы, уверенная осанка.

– Большинство подвергшихся воздействию демонстрируют хаотические изменения, – продолжил Хаас. – Непредсказуемые, часто вредные для организма. Но в некоторых случаях... процесс идет иначе. Более управляемо. Как будто технология избирательно взаимодействует с определенными субъектами.

– И вы считаете, что доктор Морозова – один из таких субъектов? – спросил Алекс, стараясь звучать просто заинтересованно.

– Предварительные данные указывают на это, – кивнул Хаас. – Повышенная регенерация без побочных эффектов, умеренное повышение метаболизма, отсутствие негативных неврологических симптомов... Всё это признаки того, что её организм принимает изменения, а не борется с ними.

– И чем это объясняется? – настороженно спросил Хоук.

– Генетическая предрасположенность, возможно, – Хаас пожал плечами. – Или специфические биохимические параметры. Мы все еще изучаем этот феномен. Но он может быть ключом к пониманию всей технологии. И, возможно, к защите от её негативных эффектов.

Алекс вспомнил странный медальон, который Хаас показывал Елене на «Гермесе», и его слова о многолетнем исследовании артефактов атлантов. Казалось, что ученый знал гораздо больше, чем говорил.

– Вы упоминали, что изучали подобные артефакты и раньше, – сказал Алекс. – Вы наблюдали подобные эффекты в предыдущих исследованиях?

Хаас внимательно посмотрел на него:

– Наблюдал, но в гораздо меньшем масштабе. Мелкие артефакты не обладают мощностью целого комплекса. Они могли вызвать небольшие биохимические изменения, временное повышение регенерации тканей, улучшение когнитивных функций... но ничего похожего на полную трансформацию организма.

– А что, если трансформация – это не побочный эффект, а основная функция этой технологии? – предположил Алекс. – Если купол был создан именно для того, чтобы изменять людей?

– Интересная теория, мистер Рейнер, – Хаас слегка улыбнулся. – Но с какой целью? Зачем древней цивилизации создавать технологию, которая активируется тысячи лет спустя, чтобы трансформировать неизвестных им людей будущего?

– Может быть, не неизвестных, – вмешался Хоук. – Что, если они предвидели свое исчезновение? Создали эту технологию как способ... возрождения своего вида через нас?

Хаас выглядел удивленным и даже немного впечатленным этой теорией:

– Смелое предположение, командер. И не лишнее логики. Это бы объяснило избирательность воздействия – система ищет генетические маркеры, совместимые с шаблоном создателей.

– Или просто более подходящие для трансформации физиологические параметры, – добавил Стивенс. – Как селекция.

Алекса беспокоил энтузиазм, с которым Хаас обсуждал эти теории. Как будто он видел в трансформации людей не угрозу, а захватывающую научную возможность. Или даже... желанную цель?

– В любом случае, – сказал Алекс, – наша первоочередная задача – защитить команду и понять, как нейтрализовать эффект, если он окажется вредным.

– Разумеется, – согласился Хаас, но без особого энтузиазма. – Именно поэтому так важно тщательно изучить все аспекты трансформации. Включая случай доктора Морозовой.

– Она согласилась на наблюдение и анализы, – сказал Алекс, – но не на то, чтобы стать подопытным кроликом.

– Никто и не предлагает этого, – Хаас поднял руки в примирительном жесте. – Только добровольное сотрудничество в интересах науки и безопасности всей команды.

Алекс не был полностью убежден, но решил не обострять ситуацию. Время брифинга приближалось, и им предстояло обсудить многое, включая план дальнейших исследований купола после потери «Нептуна».

– Кстати о безопасности, – сказал он. – Зак обнаружил, что купол модифицировал программное обеспечение его компьютера. Добавил новые алгоритмы и даже чертежи какого-то устройства для лучшей коммуникации.

– Действительно? – Хаас мгновенно заинтересовался. – Это... потрясающе. Я должен немедленно увидеть эти данные.

– Он собирается представить их на брифинге, – ответил Алекс. – Но я бы рекомендовал осторожность. Мы не знаем истинных намерений этой технологии.

– Разумеется, мистер Рейнер, – кивнул Хаас, но его глаза блестели от возбуждения. – Разумеется.

Два часа спустя Елена проснулась от странного ощущения. Жар спал, но его место заняло новое чувство – как будто каждая клетка ее тела вибрировала в унисон с каким-то отдаленным источником. Она села на койке и осмотрела свои руки. Голубоватые линии распространились дальше, образуя сложный узор, напоминающий переплетение кровеносных сосудов и электронных цепей одновременно.

Но что действительно поразило ее, так это ощущение силы и энергии, пульсирующей под кожей. Усталость и боль от травм полностью исчезли, уступив место необычайной ясности восприятия. Она слышала гудение электрических систем базы, ощущала вибрации механизмов, улавливала мельчайшие изменения давления воды за пределами корпуса.

И где-то глубоко в сознании пульсировал зов – тихий, но настойчивый. Зов купола.

Елена подошла к маленькому зеркалу в каюте и изучила свое отражение. Внешне она выглядела почти как обычно, за исключением странного блеска в глазах – того же голубоватого оттенка, что и линии на коже. Рана на лбу почти затянулась, оставив лишь тонкую розовую линию там, где несколько часов назад был глубокий разрез.

Она должна была бояться этих изменений. Любой разумный человек испытывал бы ужас от осознания, что его тело трансформируется под воздействием неизвестной древней технологии. Но вместо страха Елена чувствовала почти благоговейный трепет и научное любопытство.

Эта технология не была враждебной – во всяком случае, не в её восприятии. Она была... приглашением. Приглашением к эволюции, к новому уровню существования.

Но при этом Елена отчетливо понимала опасность таких мыслей. Что, если это не её собственные размышления, а влияние купола на сознание? Что, если трансформация меняет не только тело, но и разум?

Она решила проверить себя. Вспомнила своё детство в маленьком приморском городке под Санкт-Петербургом, первую научную конференцию, любимую кошку Мурку, умершую, когда Елене было пятнадцать. Воспоминания были чёткими, эмоции подлинными. Она все еще была собой.

Взглянув на часы, Елена поняла, что до брифинга осталось всего десять минут. Она быстро переделалась в чистую форму с длинными рукавами, скрывающими голубоватые узоры, и направилась к центральному отсеку.

По пути она встретила Алекса, который, судя по всему, шел проверить, как она себя чувствует.

– Елена! – он выглядел удивленным. – Ты... выглядишь хорошо. Очень хорошо, на самом деле.

– Я чувствую себя хорошо, – подтвердила она. – Жар прошел, и рана почти зажила.

Алекс внимательно посмотрел в её глаза:

– А... другие изменения?

Она понизила голос:

– Прогрессируют. Но я всё еще я, Алекс. Клянусь.

Он колебался мгновение, затем кивнул:

– Я верю тебе. Но будь осторожна на брифинге. Хаас проявляет... необычный интерес к твоему случаю.

– Я заметила это еще на «Посейдоне», – кивнула она. – Что-то в его реакции на находку было странным. Как будто он искал именно это.

– Именно, – согласился Алекс. – И еще кое-что. Зак обнаружил, что купол модифицировал программное обеспечение его компьютера. Добавил новые алгоритмы и даже чертежи какого-то устройства для коммуникации.

Елена выглядела заинтригованной:

– Возможно, это связано с тем, что я чувствовала под аркой. Ощущение, что купол пытается... общаться.

– Или получить контроль, – мрачно заметил Алекс.

– Или и то, и другое, – задумчиво произнесла Елена. – Коммуникация часто требует определенного уровня синхронизации систем.

Они подошли к центральному отсеку, где уже собрались остальные участники брифинга: Хоук, Стивенс, Хаас, Зак, Ана Сантос и несколько других ученых и офицеров.

– А, доктор Морозова! – Хаас улыбнулся, увидев её. – Рад видеть вас в добром здравии. Доктор Коллинз упоминал ваши впечатляющие регенеративные способности.

– Просто удачное стечение обстоятельств, – сдержанно ответила она. – Возможно, моя иммунная система особенно активна.

– Возможно, – Хаас продолжал улыбаться, но его взгляд был оценивающим. – В любом случае, это заслуживает дальнейшего изучения.

Брифинг начался с отчета Хоука о потере «Нептуна» и последующей эвакуации. Он описал энергетическое поле вокруг купола, внезапную потерю управления и аварийную эвакуацию в специальных костюмах, но опустил детали о странной реакции Елены под светящейся аркой.

Затем выступил Зак, рассказавший о модификации программного обеспечения его компьютера:

– Система контакта внедрила в мой компьютер серию алгоритмов, которые значительно превосходят наши текущие технологии программирования, – объяснил он, демонстрируя на экране фрагменты кода. – Кроме того, были добавлены схемы устройства, которое, судя по всему, должно служить интерфейсом между нашими системами и технологией купола.

– Вы можете создать это устройство? – немедленно спросил Хаас.

– Теоретически да, – ответил Зак. – У нас есть необходимые компоненты на «Тритоне» и «Гермесе». Но я не уверен, что это безопасно.

– Риск всегда сопутствует великим открытиям, – заметил Хаас. – Если это устройство позволит нам коммуницировать с технологией атлантов, мы сможем узнать их истинные намерения и, возможно, найти способ контролировать процесс трансформации.

Алекс заметил, как при этих словах Ана Сантос и Стивенс обменялись быстрыми взглядами. Что-то подсказывало ему, что они знали больше, чем говорили.

– Я предлагаю двойной подход, – сказал Хаас, обращаясь ко всем присутствующим. – С одной стороны, мистер Ченг начнет работу над устройством связи, с соблюдением всех мер предосторожности. С другой стороны, мы продолжим исследование воздействия купола на биологические организмы, чтобы лучше понять механизм трансформации и найти способы контролировать его.

– А что с «Нептуном»? – спросил один из офицеров. – Мы будем пытаться восстановить его?

– Слишком рискованно на данном этапе, – ответил Хоук. – Но мы запустим дроны для мониторинга его состояния. Возможно, когда мы лучше поймем природу энергетического поля, сможем разработать эффективную защиту и предпринять попытку спасения.

Елена слушала обсуждение, одновременно фиксируя странное ощущение. Чем дольше она находилась в центральном отсеке, тем сильнее становилось чувство, что она каким-то образом связана с куполом. Не просто ощущала его присутствие – была частью его системы. И что еще более тревожно, она начала замечать слабое голубоватое свечение на коже других людей в комнате.

Доктор Хаас, когда жестикулировал, на мгновение обнажил запястье, и Елена могла поклясться, что увидела такие же голубоватые линии, как у неё, только гораздо более тусклые, почти незаметные для обычного зрения. Ана Сантос тоже иногда поглаживала предплечье, словно оно зудело или покалывало.

Они тоже подверглись воздействию? Или были подвержены ему еще до этой экспедиции? И если так, то насколько далеко зашли их изменения?

– Доктор Морозова, – голос Хааса вернул её к реальности, – учитывая ваш опыт с биоакустическим сканером и уникальные... адаптации, которые вы демонстрируете, я предлагаю включить вас в группу для следующего погружения к куполу. Вместе с командером Хоуком и мистером Рейнером.

– Когда планируется погружение? – спросила она, стараясь скрыть смешанные чувства, которые вызвало это предложение.

– Через 24 часа, – ответил Хаас. – Нам нужно время для подготовки оборудования и анализа данных, собранных в предыдущей экспедиции.

– Я согласна, – кивнула Елена. – Но с условием, что смогу взять образцы для собственного анализа. Как биолог, я хочу лучше понять происходящие изменения.

– Разумеется, – согласился Хаас, выглядя даже довольным её инициативой. – Наши лаборатории в вашем распоряжении.

Когда брифинг закончился и люди начали расходиться, Елена почувствовала на себе взгляд Аны Сантос. Лингвист явно хотела поговорить с ней наедине.

– Доктор Морозова, могу я задать вам несколько вопросов о символах, которые вы видели под аркой? – спросила Ана, подходя ближе. – Это может помочь в моей работе по расшифровке языка атлантов.

– Конечно, – согласилась Елена, заинтригованная возможностью узнать, что известно Ане о символах.

Они отошли в угол, где их разговор не могли подслушать.

– Вы их слышите, не так ли? – тихо спросила Ана, глядя Елене прямо в глаза. – Голоса. Зов.

Елена замерла, не уверенная, как реагировать. Признаться – значит раскрыть свой секрет. Отрицать – потерять возможность узнать, что известно Ане.

– Я чувствую... присутствие, – осторожно ответила она. – Не совсем голоса. Скорее... ощущение связи.

Ана кивнула, словно это подтвердило её подозрения:

– Это начало. Со временем ощущения станут яснее. Более... структурированными.

– Вы говорите так, как будто знаете это по опыту, – заметила Елена.

Ана слегка улыбнулась и закатала рукав, показывая голубоватые линии на своем предплечье – гораздо более тонкие и бледные, чем у Елены, но несомненно того же происхождения.

– Три года назад, – тихо сказала она. – Маленький артефакт, найденный в Средиземном море. Хаас показывал вам медальон? У меня был похожий.

– И что произошло? – напряженно спросила Елена.

– Постепенные изменения. Усиление восприятия. Способность чувствовать... другие измененные объекты. И людей.

– Как далеко это зашло?

Ана опустила рукав:

– Достаточно далеко, чтобы понять, что происходит, но недостаточно, чтобы полностью интегрироваться. Для этого нужен более мощный источник. Такой, как купол.

– И вы... хотите этого? – недоверчиво спросила Елена.

– Я хочу понять, – ответила Ана. – Как лингвист, я всегда стремилась к пониманию языков, к расшифровке смысла. Это... просто другой язык. Язык, который меняет не только слова, но и сущность того, кто его изучает.

Эти слова одновременно пугали и завораживали Елену. Ана говорила о трансформации не как о болезни или опасности, а как о процессе обучения, эволюции.

– А доктор Хаас? Он тоже...?

– Да, – кивнула Ана. – Дольше всех. Более десяти лет. И его изменения... более глубокие, хотя он скрывает это.

– Почему вы рассказываете мне это? – спросила Елена.

– Потому что вы – другая, – серьезно ответила Ана. – Ваша реакция на технологию купола уникальна. Вы меняетесь быстрее, чем кто-либо из нас. И вам понадобится помощь, чтобы понять и контролировать эти изменения.

– А что, если я не хочу контролировать их? – тихо спросила Елена. – Что, если я хочу остановить их?

– Это... сложно, – осторожно ответила Ана. – Процесс можно замедлить, но полностью обратить вспять? На этой стадии? Я не уверена, что это возможно. Но если кто-то и может найти способ, то это вы, с вашими знаниями морской биологии.

Елена обдумывала эту информацию. Ана и Хаас были подвержены воздействию артефактов атлантов задолго до этой экспедиции. Они уже проходили через начальные стадии трансформации и, судя по всему, не противостояли ей, а скорее, принимали её. Возможно, даже стремились ускорить и углубить процесс.

Но можно ли им доверять? Или их суждения уже искажены влиянием древней технологии? И что еще важнее, что они на самом деле знают о конечной цели этой трансформации?

– Спасибо за откровенность, – наконец сказала Елена. – Мне нужно обдумать всё это.

– Конечно, – кивнула Ана. – Но не затягивайте слишком долго с принятием решения. Процесс уже идет, и лучше встретить его подготовленной.

Когда Ана ушла, Елена осталась стоять в задумчивости. Ситуация оказалась еще сложнее, чем она предполагала. Не только она подвергалась трансформации – по крайней мере два ключевых члена экспедиции уже были частично интегрированы с технологией атлантов. И, возможно, у них была своя повестка, отличная от официальной миссии.

Она должна была рассказать об этом Алексу. Он оставался одним из немногих людей, которым она могла доверять. Но сначала ей нужно было проверить собственное состояние, понять, насколько далеко зашли изменения в её организме.

Решительно выдохнув, Елена направилась к лаборатории. Ей предстояло много работы, и времени становилось все меньше. Дверь лаборатории с легким шипением открылась перед ней, и Елена погрузилась в мир науки – единственную константу, которая оставалась неизменной даже в этом хаосе трансформаций и древних технологий.

Но даже погружаясь в работу, она не могла полностью игнорировать тихий, настойчивый зов, который пульсировал на краю сознания, звал её вернуться к куполу, к источнику изменений, к чему-то, что обещало стать гораздо большим, чем просто научное открытие.

Глава 4: «Изменения»

Свет микроскопа отбрасывал голубоватое сияние на лицо Елены, подчеркивая темные круги под её глазами – единственное видимое свидетельство бессонной ночи. Часы на стене лаборатории показывали 04:17. В это время база «Тритон» функционировала в ночном режиме – сокращенный персонал, приглушенное освещение, минимальная активность.

Идеальное время для исследований, которые лучше проводить без лишних свидетелей.

Елена сосредоточенно регулировала фокус микроскопа, изучая образец собственной крови. То, что она видела, одновременно завораживало и пугало её. Эритроциты демонстрировали аномальную структуру – более эффективную для переноса кислорода и устойчивую к высокому давлению. Лейкоциты проявляли повышенную активность. Но самым странным были микроскопические частицы, мерцающие едва заметным голубоватым светом – те самые, что были обнаружены в воде вокруг купола атлантов.

Только теперь они циркулировали в её крови, интегрированные с клетками её тела.

– Неужели они используют наночастицы для перестройки ДНК? – прошептала Елена, делая заметки в электронном журнале.

Она перешла к следующему образцу – фрагменту кожи с предплечья, где голубоватые линии были наиболее заметны. Под микроскопом было видно, что эти линии представляли собой не просто изменение пигментации, а сложную сеть микроскопических каналов, по которым циркулировала жидкость, насыщенная наночастицами.

– Господи... это похоже на вторичную циркуляторную систему.

Елена откинулась на спинку кресла, массируя переносицу. Данные были невероятными. Её тело создавало новую, дополнительную систему циркуляции – нечто среднее между кровеносной системой и электронной сетью. Эта система, судя по всему, служила для распределения наночастиц по всему организму, обеспечивая управляемую трансформацию тканей.

Но самым важным был вопрос: кто или что контролировал эту трансформацию? Были ли эти частицы автономными программируемыми единицами? Или ими управлял какой-то внешний источник, возможно, сам купол?

Елена активировала защищенное хранилище данных – портативный диск, не подключенный к общей сети базы. Она копировала туда все свои наблюдения и анализы. Если Хаас и другие уже подвергшиеся частичной трансформации члены команды имели свои планы, ей нужно было сохранить независимый источник информации.

Лёгкий звук открывающейся двери заставил её вздрогнуть. Она быстро накинула лабораторный халат, скрывая голубоватые линии на предплечьях, и повернулась к входу.

Это был Алекс. Он выглядел уставшим, но собранным – человек, привыкший функционировать с минимальным количеством сна.

– Знал, что найду тебя здесь, – сказал он, закрывая за собой дверь. – Как продвигается?

– Обнаружила кое-что интересное, – ответила Елена, приглашая его подойти к микроскопу. – Взгляни.

Алекс наклонился к окуляру, и она услышала, как он тихо присвистнул.

– Это... твоя кровь?

– Да. Видишь эти светящиеся частицы? Они идентичны тем, что мы обнаружили в воде вокруг купола.

– Значит, ты действительно заражена, – мрачно констатировал Алекс, выпрямляясь.

Елена поморщилась:

– Я предпочитаю термин «трансформирована». «Заражение» предполагает болезнь или инфекцию, а это... нечто принципиально иное.

– Но не менее опасное, – возразил он.

– Потенциально опасное, – уточнила она. – Но также потенциально... революционное. Она указала на экран с результатами анализа:

– Эти наночастицы перестраивают мои клетки на молекулярном уровне, делая их более эффективными. Моя регенерация ускорилась в 5-7 раз, метаболизм оптимизирован, кислородный обмен улучшен. С биологической точки зрения, это похоже на... направленную эволюцию.

– Управляемую кем-то или чем-то другим, – напомнил Алекс. – Что-то, чьих мотивов мы не знаем.

Елена задумчиво кивнула:

– Я понимаю твою осторожность. И я не теряю бдительности. Но как ученый, я не могу не восхищаться гениальностью этой технологии. Она опережает наши самые продвинутые разработки в области нанотехнологий и генной инженерии на столетия, если не на тысячелетия.

Алекс внимательно посмотрел на неё, пытаясь увидеть признаки изменения личности или мышления. Но Елена оставалась собой – пытливым, увлеченным ученым с аналитическим умом и здоровой долей скептицизма.

– Что ещё ты обнаружила? – спросил он, присаживаясь рядом.

– Вот это, – она показала на микроскопический снимок своей кожи. – Формируется вторичная циркуляторная система. Эти голубоватые линии – не просто пигментация. Это каналы, по которым циркулируют наночастицы. И они... растут, распространяются.

– Как быстро?

– Судя по текущей скорости, полное покрытие основных тканей тела займет примерно... 72 часа.

Алекс нахмурился:

– И что произойдет тогда?

– Не знаю, – честно ответила Елена. – Возможно, начнутся более глубокие физиологические изменения. Ана упоминала о «полной интеграции», но не объяснила, что именно это означает.

– Ты доверяешь ей?

– Не полностью, – покачала головой Елена. – Её откровенность кажется рассчитанной. Она раскрыла достаточно, чтобы заинтересовать меня, но не достаточно, чтобы я могла полностью понять происходящее.

– Классическая техника вербовки, – заметил Алекс. – Создать иллюзию доверия и общих интересов, чтобы привлечь человека на свою сторону.

– Думаешь, Ана и Хаас пытаются меня завербовать?

– Я думаю, что они имеют свою повестку, связанную с технологией атлантов, – осторожно сказал Алекс. – И ты, с твоей уникальной реакцией на эту технологию, представляешь для них особый интерес.

Елена вздохнула:

– Слишком много неизвестных. Мне нужно больше данных. Я хочу взять образцы у других членов команды – анонимно, через плановые медосмотры – и сравнить их с моими. Возможно, я не единственная, кто подвергается трансформации.

– Это рискованно. Если Хаас узнает...

– Он уже знает о моей трансформации, – возразила она. – И, похоже, даже поощряет её. Что само по себе тревожно. Но он не знает, что я пытаюсь выяснить истинную природу этой технологии независимо от него.

Алекс задумчиво кивнул:

– Я помогу тебе получить доступ к медицинским данным. Но будь осторожна. Если наши подозрения верны, и Хаас имеет свои планы на технологию атлантов, он может воспринять твоё независимое расследование как угрозу.

– Знаю, – Елена начала собирать образцы, аккуратно помещая их в криогенный контейнер. – Но у меня нет выбора. Чем дальше продвигается трансформация, тем больше я чувствую... зов. Притяжение к куполу. Мне нужно понять этот процесс прежде, чем он полностью изменит меня.

– И что тогда? – тихо спросил Алекс. – Если ты найдешь способ остановить или обратить трансформацию?

Елена на мгновение замерла, задумавшись:

– Честно? Я не знаю. Часть меня боится этих изменений, хочет остановить их. Но другая часть... восхищается элегантностью этой технологии, её потенциалом. Как биолог, я не могу не задаваться вопросом, что это могло бы означать для будущего человечества.

– Если это будущее наступит по нашему выбору, а не будет навязано древней технологией, – заметил Алекс.

– Именно, – согласилась Елена. – Свобода выбора – ключевой момент. Поэтому я должна понять процесс достаточно хорошо, чтобы контролировать его. Или остановить, если понадобится.

Алекс посмотрел на часы:

– Скоро начнется утренняя смена. Ты должна отдохнуть, хотя бы пару часов. Команда спецназа майора Стивенса прибывает сегодня для усиления безопасности, и я подозреваю, что они будут особенно внимательны к любым признакам «заражения».

Елена кивнула:

– Ты прав. И мне нужно скрыть эти, – она указала на свои руки с голубоватыми линиями. – К счастью, в моем багаже есть водостойкий тональный крем. Привычка иметь при себе косметику, даже на научных экспедициях, впервые пригодится для чего-то действительно важного.

Она слабо улыбнулась, но Алекс не ответил на шутку. Его лицо оставалось серьезным.

– Обещай, что будешь осторожна, – сказал он. – Если почувствуешь, что что-то меняется, что теряешь контроль...

– Я немедленно скажу тебе, – закончила она, сжимая его руку. – Обещаю.

Их взгляды встретились, и на мгновение между ними возникло понимание глубже слов – обещание поддержки и доверия перед лицом неизвестного.

Момент прервал звук коммуникатора Алекса:

– Рейнер, это Хоук. Спецназ прибывает через тридцать минут. Жду тебя у шлюзовой камеры А.

– Понял, командер. Буду через десять минут, – ответил Алекс, затем повернулся к Елене. – Мне нужно идти. Увидимся на общем собрании в 09:00.

Елена кивнула, и Алекс, задержав взгляд на её лице ещё на секунду, вышел из лаборатории. Оставшись одна, она быстро завершила анализы, защитила данные паролем и тщательно убрала все образцы. Затем направилась к своей каюте, чтобы хотя бы немного отдохнуть перед началом нового дня, который, она это чувствовала, обещал быть насыщенным событиями.

Шлюзовая камера А, самая крупная на базе «Тритон», была спроектирована для приема грузов и транспортных модулей. Сейчас она завершала цикл осушения после прибытия специального военного батискафа. Алекс и Хоук ждали у внутренней двери, наблюдая через смотровое окно за процессом.

– Как думаешь, зачем нам спецназ? – тихо спросил Алекс. – Официальная версия – усиление безопасности, но у нас уже достаточно охраны для защиты базы.

Хоук бросил на него быстрый взгляд:

– Приказ сверху. Прямо от Командования специальных операций. Видимо, они оценили ситуацию как требующую... дополнительных мер предосторожности.

– После наших отчетов о трансформации?

– Вероятно, – кивнул Хоук. – Но я не был информирован о полном спектре их задач. Что меня, честно говоря, беспокоит.

Алекс понимающе хмыкнул. В военной иерархии информирование командира на месте о всех аспектах операции было стандартной процедурой. Исключения делались только в особых случаях – когда возникали вопросы безопасности или лояльности.

– Думаешь, они не полностью доверяют команде базы?

– Или её командованию, – тихо ответил Хоук. – После инцидента с «Посейдоном» в верхних эшелонах возникли опасения относительно... потенциального компрометирования персонала.

Дверь шлюзовой камеры начала открываться, прерывая их разговор. Из камеры вышли восемь человек в черной тактической форме с минимальными знаками различия. Их движения были четкими и скоординированными, выдавая высокий уровень подготовки.

Впереди шел мужчина среднего роста с квадратной челюстью и прямым взглядом стальных глаз. Несмотря на отсутствие явных знаков различия, его позиция лидера была очевидна.

– Командер Хоук, мистер Рейнер, – он отдал четкий салют. – Майор Роберт Стивенс, командир специального отряда «Дельта-7». Рад наконец встретиться лично.

– Добро пожаловать на «Тритон», майор, – ответил Хоук, пожимая ему руку. – Ваше прибытие вовремя. Ситуация продолжает... развиваться.

– Так я слышал, – кивнул Стивенс. – Мои люди готовы обеспечить безопасность базы и персонала. Особенно с учетом потенциальной биологической угрозы.

Алекс заметил, как один из людей Стивенса, массивный мужчина с бритой головой и тонким шрамом через всю щеку, внимательно осматривал внутренности базы с профессиональной оценкой.

– Это лейтенант Джексон, мой заместитель, – представил его Стивенс, заметив взгляд Алекса. – Специалист по глубоководным операциям и эксперт по биологической защите.

Алекс кивнул лейтенанту, который ответил коротким, оценивающим кивком.

– Мы подготовили брифинг по текущей ситуации через час, – сказал Хоук. – А пока, возможно, вы хотели бы разместить свою команду и оборудование?

– Да, благодарю, командер, – ответил Стивенс. – Но сначала я бы хотел проинспектировать базу, особенно ключевые стратегические точки – системы жизнеобеспечения, коммуникационный центр, лаборатории.

– Разумеется, – согласился Хоук, хотя Алекс заметил легкое напряжение в его голосе. – Мистер Рейнер проведет вас, пока я займусь подготовкой брифинга.

Когда Хоук удалился, Алекс обратился к Стивенсу:

– С чего хотите начать, майор?

– С лабораторий, – решительно сказал Стивенс. – Именно там исследуют образцы и, следовательно, существует наибольший риск распространения заражения.

Алекс заметил, что майор выбрал именно то слово – «заражение», – которое Елена предпочитала избегать. Это была не просто семантическая разница; она отражала фундаментально различные подходы к ситуации. Для военных изменения, вызванные куполом, были однозначно вражеской угрозой, подлежащей сдерживанию и нейтрализации. Для ученых, особенно таких как Елена и, возможно, Хаас, это было сложным феноменом, требующим изучения, а не немедленного уничтожения.

– Конечно, майор. Сюда, пожалуйста, – Алекс повел группу по главному коридору базы, внимательно наблюдая за реакцией спецназовцев на окружение.

Они двигались как единый организм, сканируя пространство тренированными взглядами, отмечая все детали, от расположения вентиляционных отверстий до камер наблюдения. Алекс узнавал эту манеру – сам он некогда был частью подобной команды.

– Впечатляющая база, – заметил Стивенс, когда они проходили через центральный отсек. – Особенно учитывая глубину и скорость развертывания.

– Технологии не стоят на месте, майор, – ответил Алекс. – Хотя, похоже, некоторые древние технологии могут превосходить наши современные.

– Вы о куполе? – Стивенс бросил на него быстрый взгляд. – Вы действительно верите, что это создание древней цивилизации, а не, скажем, инопланетный объект или секретная разработка какой-нибудь сверхдержавы?

– Данные указывают на древнее происхождение, – осторожно ответил Алекс. – Символы на конструкциях имеют сходство с некоторыми древнейшими известными письменностями Земли. Кроме того, возраст отложений на структурах оценивается тысячелетиями.

– Хм, – Стивенс не выглядел полностью убежденным. – Что ж, независимо от происхождения, наша задача – обеспечить безопасность этой базы и её персонала. А также предотвратить распространение потенциальной угрозы.

Они подошли к лабораторному комплексу – серии соединенных помещений с прозрачными стенами, через которые были видны ученые, работающие с оборудованием и образцами.

– Вот главная биологическая лаборатория, – указал Алекс. – Здесь доктор Морозова и её команда изучают воздействие купола на живые организмы. Рядом – геологическая лаборатория, где анализируют образцы материалов структур. Дальше – лингвистический отдел, где доктор Сантос работает над расшифровкой символов.

Стивенс внимательно осматривал каждое помещение, особенно задерживаясь взглядом на биолaborаториях.

– Какие протоколы биобезопасности действуют здесь? – спросил он.

– Стандарт BSL-3 с дополнительными мерами, – ответил Алекс. – Герметичные шлюзы, отрицательное давление, системы фильтрации воздуха и воды, регулярные сканирования на наличие аномальных частиц.

– Это адекватно для неизвестного агента, способного перестраивать человеческую ДНК? – в голосе Стивенса звучал скептицизм.

– Насколько мы можем судить, трансформирующий агент не распространяется по воздуху или через обычный контакт, – пояснил Алекс. – Требуется либо прямое воздействие поля купола, либо контакт с высокой концентрацией частиц в воде. Обычные протоколы дезактивации эффективны.

Стивенс кивнул, но его взгляд оставался настороженным:

– Тем не менее, мои люди усилят меры безопасности. Проверка всего персонала, дополнительный мониторинг биологических показателей, ограничение доступа к критическим системам.

– Разумные меры, – согласился Алекс, хотя внутренне напрягся. Эти «дополнительные меры» могли создать проблемы для Елены и её независимого исследования. – Но важно помнить, что это не просто военная операция. Здесь проводятся критически важные научные исследования.

– Безопасность превыше всего, мистер Рейнер, – твердо сказал Стивенс. – Наука может подождать, если на кону стоит потенциальная глобальная угроза.

В этот момент Алекс заметил Елену, входящую в биолaborаторию. Она выглядела отдохнувшей и собранной, голубоватые линии на её коже были умело скрыты макияжем, а длинные рукава лабораторного халата обеспечивали дополнительную маскировку.

– А, доктор Морозова, – сказал Стивенс, также заметив её. – Ключевой участник первого контакта с куполом. Я бы хотел поговорить с ней.

– Она будет на брифинге, майор, – быстро сказал Алекс. – Сейчас она, вероятно, занята подготовкой своего отчета. Почему бы нам не продолжить осмотр? Системы жизнеобеспечения находятся на нижнем уровне.

Стивенс помедлил, бросив еще один оценивающий взгляд на Елену, затем кивнул:

– Хорошо, продолжим. Но я ожидаю полного доступа ко всем отчетам и данным.

– Разумеется, майор, – ответил Алекс, направляя группу к лифтам.

Когда они удалились, Алекс бросил быстрый взгляд через плечо и поймал взгляд Елены. Она слегка кивнула, показывая, что поняла ситуацию. Его беспокоило прибытие спецназа – особенно с таким настороженным и решительным командиром, как Стивенс. Это могло серьезно усложнить их попытки понять происходящее и найти независимое решение.

В своей временной лаборатории на базе «Тритон» доктор Виктор Хаас анализировал данные с датчиков, размещенных по периметру купола атлантов. График на основном экране показывал постепенное увеличение интенсивности энергетического поля – не резкими скачками, а плавной, почти гармонической волной, как будто древняя структура просыпалась от тысячелетнего сна.

– Фаза активации продолжается по расчетному графику, – удовлетворенно отметил он, делая пометки в электронном журнале.

Дверь лаборатории открылась, и вошла Ана Сантос с планшетом в руках.

– Доктор Хаас, я завершила предварительный анализ новых символов, полученных во время погружения группы Рейнера, – сказала она, закрывая за собой дверь.

– И? – Хаас повернулся к ней, его глаза загорелись интересом.

– Это подтверждает наши гипотезы, – Ана активировала проекцию со своего планшета, демонстрируя сложные узоры символов. – Повторяющиеся мотивы четко указывают на концепции «эволюции» и «трансформации». Но есть кое-что новое.

Она увеличила один из фрагментов:

– Этот набор символов, кажется, описывает процесс, который можно перевести как «пробуждение сознания» или «интеграция разума». Он связан с символами воды и глубины.

– Коллективное сознание, – задумчиво произнес Хаас. – Как мы и предполагали. Система использует воду как среду для распространения наночастиц, которые затем формируют нейронную сеть между трансформированными объектами.

– Именно, – кивнула Ана. – Но что более интересно, я обнаружила серию символов, которые, похоже, являются своего рода инструкцией или предупреждением.

Она показала другой фрагмент изображения:

– Здесь упоминается концепция «резонанса» и «совместимости». Не все организмы одинаково подходят для трансформации. Некоторые... отторгают её или реагируют непредсказуемо.

Хаас нахмурился:

– Это объясняет различные реакции членов экипажа «Посейдона». Некоторые подверглись быстрой и агрессивной трансформации, другие – более медленной и контролируемой. А кто-то, похоже, вообще не поддался воздействию.

– И доктор Морозова? – спросила Ана. – Её трансформация прогрессирует удивительно гармонично.

– Да, её случай особенно интересен, – Хаас задумчиво потер подбородок. – Возможно, она обладает генетическими маркерами, делающими её особенно совместимой с технологией атлантов. Или дело в её научном мышлении, которое интуитивно принимает изменения вместо того, чтобы бороться с ними.

– Она представляет ценность для исследования, – согласилась Ана. – Но также потенциальный риск. Она слишком независима, слишком любопытна. И слишком близка к Рейнеру.

Хаас кивнул:

– Рейнер – отдельная проблема. Его военный опыт и аналитические способности делают его опасным противником. Он уже подозревает, что у нас есть своя повестка.

– Мы должны быть осторожнее, – сказала Ана. – Особенно теперь, когда прибыл спецназ. Майор Стивенс не выглядит человеком, открытым для... альтернативных перспектив.

– Майор Стивенс – солдат, выполняющий приказы, – отмахнулся Хаас. – Он видит в технологии атлантов только угрозу, подлежащую нейтрализации. Но мы знаем, что это нечто большее. Это эволюционный скачок, новая глава в истории человечества.

Ана внимательно посмотрела на Хааса:

– Иногда меня беспокоит ваша убежденность, доктор. Мы все еще не полностью понимаем конечные цели этой технологии. Что, если трансформация – лишь первый этап какого-то более масштабного процесса?

– Именно это я и пытаюсь выяснить, – Хаас вернулся к своим данным. – Поэтому нам необходимо исследовать купол более детально. Мы должны получить доступ к его центральной структуре.

– Рейнер будет против, – заметила Ана. – После инцидента с «Нептуном» он наверняка будет настаивать на максимальной осторожности.

– Рейнер не принимает окончательных решений, – Хаас улыбнулся. – Для этого у нас есть командер Хоук и, с сегодняшнего дня, майор Стивенс. Оба понимают важность информации, которую мы можем получить.

Он подошел к другому экрану, демонстрирующему трехмерную модель купола:

– Я предполагаю, что внутри этой центральной структуры находится основной узел управления – мозг всей системы, если хотите. Доступ к нему даст нам ответы на все вопросы, а возможно, и контроль над процессом трансформации.

– И если Рейнер и доктор Морозова окажутся препятствием? – осторожно спросила Ана.

Хаас посмотрел на неё с холодным расчетом:

– Тогда, моя дорогая, мы найдем способ нейтрализовать это препятствие. Наука требует жертв. Особенно такая революционная наука, как наша.

Брифинг был назначен в главном конференц-зале базы «Тритон». К 09:00 большая часть научного и военного персонала уже собралась – ученые в лабораторных халатах или форме базы, военные в тактическом снаряжении, адаптированном для условий подводной базы.

Алекс занял место рядом с Хоуком, наблюдая за входящими людьми. Елена прибыла в сопровождении двух ассистентов из биологического отдела, её лицо было сосредоточенным и профессионально бесстрастным. Хаас и Ана вошли вместе, тихо переговариваясь о чем-то, и заняли места в первом ряду. Майор Стивенс и его команда расположились у задней стены, сохраняя прямой обзор всего помещения – классическая позиция для обеспечения безопасности и контроля.

Когда все собрались, Хоук поднялся, чтобы начать брифинг:

– Дамы и господа, благодарю всех за присутствие. Как вы знаете, ситуация продолжает развиваться. За последние 48 часов произошло несколько значительных событий, включая потерю мини-субмарины «Нептун» и усиление активности объекта. Сегодня к нам присоединилась команда специалистов под командованием майора Стивенса для обеспечения дополнительной безопасности.

Он кивнул в сторону спецназовцев, и Стивенс коротко кивнул в ответ.

– Наша первоочередная задача остается неизменной – изучение купола и связанных с ним феноменов, с соблюдением всех мер безопасности. Для начала, доктор Хаас представит обновленную информацию об энергетической активности объекта.

Хаас поднялся и активировал голографический проектор в центре стола. Над поверхностью появилась трехмерная модель купола, окруженная графиками и данными.

– Спасибо, командер, – начал он. – Как вы можете видеть, энергетическая сигнатура купола продолжает усиливаться. Но это не хаотический рост – мы наблюдаем четкий паттерн, почти как... пульс. Регулярные волны активности, каждая немного сильнее предыдущей.

Он указал на один из графиков:

– Это напоминает процесс калибровки или, если хотите, пробуждения. Как будто система постепенно восстанавливает функциональность после длительного периода бездействия.

– Что это означает для безопасности базы? – спросил Стивенс, его голос был резким и деловым.

– На данном этапе прямой угрозы для структурной целостности «Тритона» нет, – ответил Хаас. – Энергетическое поле не распространяется дальше установленного периметра. Однако, – он сделал многозначительную паузу, – мы фиксируем увеличение концентрации трансформирующих частиц в окружающей воде. Если тенденция сохранится, через 72-96 часов эти частицы могут достигнуть уровня, способного проникнуть через стандартные фильтры базы.

В зале пробежал встревоженный шепот.

– Какие меры принимаются для предотвращения заражения? – настойчиво спросил Стивенс.

– Мы усилили системы фильтрации и установили дополнительные барьеры, – ответил Хоук. – Кроме того, весь персонал проходит регулярные медицинские осмотры для выявления ранних признаков воздействия.

Алекс заметил, как Елена слегка напряглась при этих словах. Если осмотры станут более тщательными, скрывать её состояние будет сложнее.

– Это реактивные меры, – возразил Стивенс. – Мы должны рассмотреть возможность нейтрализации источника угрозы.

– Вы предлагаете уничтожить купол? – спросил Хаас с плохо скрываемым возмущением. – Это было бы непоправимой потерей для науки. Мы говорим о технологии, которая может революционизировать наше понимание биологии, нанотехнологий, возможно, даже эволюции человека!

– Я говорю о безопасности, доктор Хаас, – жестко ответил Стивенс. – О предотвращении потенциальной глобальной угрозы. Если эти «трансформирующие частицы» распространятся за пределы контролируемой зоны, последствия могут быть катастрофическими.

– Прежде чем обсуждать такие радикальные меры, нам необходимо больше информации, – вмешалась Елена, её голос был спокойным и рассудительным. – Мы все еще не понимаем фундаментальной природы этой технологии и её воздействия на биологические системы.

– Именно, – поддержал её Хаас. – И для этого нам необходимо более детальное исследование. В частности, доступ к центральной структуре купола.

Алекс подался вперед:

– После инцидента с «Нептуном» мы знаем, что купол активно реагирует на приближение к нему. Любая попытка проникновения может вызвать еще более агрессивный ответ.

– Именно поэтому мы нуждаемся в новом подходе, – сказал Хаас, активируя новую проекцию. – Наш техник Зак Ченг обнаружил в своем компьютере схемы устройства, которое может служить интерфейсом с технологией купола. Это может быть ключом к безопасному доступу.

Все взгляды обратились к Заку, который неловко поерзал на своем месте:

– Да, эти схемы появились после контакта с энергетическим полем. Они достаточно подробные, чтобы построить прототип. Но, – он посмотрел на Алекса, – мы не можем быть уверены в намерениях источника этой информации.

– Вы предлагаете использовать технологию, полученную от потенциально враждебного объекта, для взаимодействия с тем же объектом? – недоверчиво спросил Стивенс. – Это звучит как приглашение к катастрофе.

– Это рассчитанный риск, майор, – ответил Хаас. – Наука всегда связана с риском. Но потенциальные выгоды огромны. Если мы сможем коммуницировать с куполом, понять его функции и цели, мы сможем найти способ контролировать его воздействие.

Алекс заметил обмен взглядами между Хаасом и Аной. Что-то в их уверенности беспокоило его. Как будто они знали больше, чем говорили.

– Я предлагаю компромисс, – сказал Хоук, пытаясь снизить напряжение. – Мистер Ченг может начать работу над прототипом устройства, но только в изолированной системе, без прямого подключения к основным компьютерам базы. Параллельно мы подготовим команду для ограниченного исследования внешнего периметра купола, с использованием усиленных защитных мер. Цель – сбор дополнительных данных, без попыток проникновения внутрь центральной структуры на этом этапе.

Стивенс обдумал предложение:

– Приемлемо, при условии, что моя команда будет обеспечивать безопасность всех операций. И при первых признаках эскалации угрозы миссия будет немедленно прервана.

– Разумеется, майор, – согласился Хоук.

– Кто войдет в состав исследовательской команды? – спросила Елена.

– Учитывая ваш опыт с первого контакта, доктор Морозова, вы будете ключевым научным специалистом, – ответил Хоук. – Мистер Рейнер будет отвечать за безопасность. Майор Стивенс назначит двух своих людей для дополнительной поддержки.

Хаас выглядел недовольным:

– Я бы хотел быть частью этой команды. Как ведущий эксперт по древним технологиям...

– С уважением, доктор Хаас, – перебил его Хоук, – ваши знания слишком ценны, чтобы рисковать ими в полевых условиях. Вы будете координировать операцию отсюда, с базы.

Хаас явно хотел возразить, но после секундного размышления сдержался и кивнул:

– Как скажете, командер. В таком случае, я буду работать с мистером Ченгом над прототипом интерфейса.

– Хорошо, – подытожил Хоук. – Исследовательская миссия отправляется через 12 часов. Всем участникам пройти дополнительный медосмотр и подготовить оборудование. Брифинг закончен.

Когда люди начали расходиться, Алекс подошел к Елене:

– Ты уверена, что хочешь участвовать в этой миссии? Учитывая твое... состояние, приближение к куполу может ускорить процесс трансформации.

– Именно поэтому я должна идти, – тихо ответила она. – Мне нужно понять, как купол взаимодействует с уже начавшимися изменениями. И, возможно, найти способ контролировать их.

– Хаас не выглядел довольным, что его исключили из команды, – заметил Алекс.

– Да, это странно, – согласилась Елена. – Он так стремился к исследованию купола, и вдруг принимает отказ почти без возражений. Это не похоже на него.

– Возможно, у него есть другой план, – предположил Алекс. – Работа с Заком над интерфейсом дает ему доступ к потенциально мощному инструменту для взаимодействия с куполом.

– И к системам базы, – добавила Елена. – Если это устройство действительно сможет коммуницировать с технологией атлантов, что помешает ему также влиять на наши компьютеры?

Алекс кивнул:

– Именно поэтому Хоук настоял на изолированной системе. Но насколько эффективна будет эта изоляция, если устройство разработано технологией, способной перепрограммировать компьютер Зака даже через защиту?

– Мне это не нравится, – Елена покачала головой. – Слишком много неизвестных, слишком много потенциальных угроз. И теперь еще Стивенс со своей командой, готовые к силовому решению при первых признаках опасности.

– Мы должны быть готовы к любым сценариям, – серьезно сказал Алекс. – Включая возможность, что нам придется действовать независимо от официального командования, если ситуация выйдет из-под контроля.

Елена посмотрела на него с новым пониманием:

– Ты не полностью доверяешь Хоуку?

– Я доверяю его намерениям, – осторожно ответил Алекс. – Но не уверен, что он полностью контролирует ситуацию. Между военным командованием, научной группой Хааса и теперь еще специальным отрядом Стивенса – слишком много конфликтующих интересов и скрытых повесток.

– И где в этом всё мы? – тихо спросила Елена.

Алекс встретился с ней взглядом:

– Мы ищем правду. И способ выжить, сохранив нашу человечность – независимо от того, какие изменения несет эта древняя технология.

Лаборатория доктора Морозовой была полностью функциональна к вечеру, после того как техники закончили установку дополнительного оборудования, запрошенного ею для анализа образцов. Елена воспользовалась относительным уединением, чтобы провести более детальное исследование своего состояния.

Она разместила микроэлектроды на ключевых точках тела – висках, запястьях, вдоль позвоночника – и подключила их к аппаратуре для регистрации биоэлектрической активности. Затем активировала программу сканирования, которая должна была построить трехмерную карту голубоватых линий, распространяющихся по её телу.

Результаты были одновременно завораживающими и тревожными. Линии образовывали сложную сеть, напоминающую нейронные связи, концентрируясь вокруг спинного мозга и основных нервных узлов. Особенно плотное переплетение формировалось у основания черепа – в области, где спинной мозг соединяется с головным.

– Они интегрируются с моей нервной системой, – прошептала Елена, изучая данные. – Но для чего?

Она провела серию тестов на нейронную активность, пытаясь определить, влияет ли новая сеть на её мыслительные процессы. Результаты были неоднозначными: общие когнитивные функции оставались без изменений, но появились новые паттерны активности в участках мозга, связанных с пространственным восприятием и обработкой сенсорной информации.

– Как будто формируется новый сенсорный аппарат, – отметила она в своем журнале. – Возможно, для восприятия сигналов, недоступных обычным человеческим чувствам.

Она задумалась, вспоминая странное ощущение «зова» купола, которое она испытывала. Возможно, это было не просто психологическое явление, а реальное восприятие сигналов, передаваемых древней технологией, ставшее возможным благодаря её трансформирующемуся телу.

Следующим шагом был анализ её крови на гормональные и биохимические изменения. Результаты показали значительные сдвиги: повышенный уровень окситоцина, эндорфинов и серотонина – гормонов, связанных с ощущением благополучия, эмпатией и социальной связностью.

– Это объясняет отсутствие страха перед трансформацией, – поняла Елена. – Система стимулирует выработку гормонов, создающих положительное восприятие изменений, снижающих тревогу и способствующих принятию процесса.

Это открытие было тревожным. Если трансформация биохимически подавляла естественные защитные реакции, такие как страх и тревога, насколько она могла доверять своим собственным ощущениям и решениям?

Елена сделала паузу, глубоко задумавшись. Ей нужен был способ объективно оценить своё ментальное состояние, не полагаясь только на субъективные ощущения. Она начала разрабатывать серию психологических тестов, которые могла бы регулярно проходить, чтобы отслеживать любые изменения в своём мышлении и принятии решений.

Её размышления прервал звук открывающейся двери. Елена быстро отключила электроды и закрыла программу сканирования, прежде чем обернуться.

В лабораторию вошла Ана Сантос с планшетом в руках:

– Доктор Морозова, я хотела показать вам кое-что интересное в расшифровке символов, – она замерла, заметив электроды и оборудование. – Я помешала вашему эксперименту?

– Нет, я как раз закончила, – Елена попыталась говорить непринужденно, убирая оборудование. – Что вы хотели показать?

Ана приблизилась, активируя проекцию на своём планшете:

– Я обнаружила повторяющийся паттерн символов на внешних структурах купола. Они образуют фразу, которую можно перевести как «пробуждение через воду» или «трансформация через глубину».

– Интересно, – отметила Елена, изучая проекцию. – Это подтверждает нашу теорию, что вода служит средой для распространения трансформирующих частиц.

– Да, но есть еще кое-что, – Ана показала другой набор символов. – Эта последовательность описывает процесс, который я бы перевела как «единение разумов» или «слияние сознаний». Она всегда следует за упоминаниями трансформации, как будто это... следующий этап.

Елена почувствовала холодок вдоль позвоночника:

– Вы думаете, физическая трансформация – лишь подготовка к чему-то большему? К какой-то форме ментальной интеграции?

– Это логичное предположение, – кивнула Ана. – Особенно учитывая образование новой циркуляторной системы, интегрированной с нервными тканями.

Елена напряглась:

– Откуда вы знаете об этом?

Ана улыбнулась, но её глаза оставались серьезными:

– Я прошла через это, помните? Три года назад. И Хаас наблюдал за трансформацией десятков субъектов с тех пор, как впервые контактировал с артефактами атлантов.

– Десятков? – Елена не скрывала шока. – Я думала, случаи трансформации ограничивались экипажем «Посейдона» и несколькими инцидентами с артефактами.

– Официально – да, – Ана понизила голос. – Но Хаас и его группа проводили... частные исследования. Сначала с использованием небольших артефактов, затем с более крупными образцами, полученными из различных подводных раскопок.

– И вы участвовали в этих исследованиях?

– Я была одним из первых добровольцев, – призналась Ана. – Меня привлекла возможность понять язык атлантов не просто интеллектуально, а... интуитивно. Через прямую связь с их технологией.

Елена пыталась осмыслить эту информацию:

– И что произошло? Насколько далеко зашла ваша трансформация?

– Достаточно далеко, чтобы понять основы их коммуникационной системы, – Ана закатала рукав, показывая голубоватые линии, более тонкие и бледные, чем у Елены, но опреде-

ленно того же происхождения. – Но недостаточно для полной интеграции. Для этого нужен более мощный источник, такой как купол.

– И теперь вы нашли его, – тихо сказала Елена. – Это истинная цель экспедиции, не так ли? Не изучение купола, а... завершение процесса трансформации.

Ана внимательно посмотрела на неё:

– Не для всех. Большинство членов экспедиции не знают о предыдущих исследованиях. Для них это действительно научная миссия по изучению уникального открытия.

– Но для вас и Хааса...

– Для нас это кульминация многолетней работы, – подтвердила Ана. – Возможность понять технологию, которая может изменить само определение человеческого существования.

– Или уничтожить его, – возразила Елена. – Если эти изменения приведут к потере индивидуальности, к поглощению человеческого разума каким-то... коллективным сознанием.

– А что, если это эволюция, а не уничтожение? – Ана склонила голову. – Что, если индивидуальность – не вершина развития разума, а лишь промежуточный этап? Что, если атланты обнаружили следующую ступень – коллективное сознание, сохраняющее уникальность каждого разума, но объединяющее их в нечто большее?

– Звучит как утопия, – скептически заметила Елена. – Или как удобное оправдание для принятия процесса, которого вы не можете остановить.

Ана улыбнулась:

– Может быть. Но вы скоро поймете сами, доктор Морозова. Ваша трансформация прогрессирует быстрее, чем у кого-либо из нас. Скоро вы начнете чувствовать не только зов купола, но и... присутствие других измененных. Связь. Единство.

– И что тогда? Что произойдет, когда трансформация завершится?

– Честно? Мы не знаем, – призналась Ана. – Никто из нас не достиг этой стадии. Но символы указывают на какое-то... пробуждение. Активацию полного потенциала технологии атлантов.

– И вы готовы рискнуть человечеством ради этого потенциала?

– Не всё человечество подвержено трансформации, – спокойно ответила Ана. – Только те, кто генетически совместим. Возможно, это эволюционный отбор – не случайный и хаотичный, как в природе, а направленный высшим разумом, создавшим эту технологию.

Елена покачала головой:

– Это опасный путь, доктор Сантос. Вы говорите о судьбе миллионов людей, основываясь на теории, которую не можете полностью подтвердить.

– Разве не так действует наука? – возразила Ана. – Выдвигая смелые гипотезы, а затем проверяя их? Мы на пороге величайшего открытия в истории человечества, доктор Морозова. Большого, чем огонь, колесо или атомная энергия. Это эволюционный скачок, переопределение самой человеческой сущности.

Она посмотрела на время:

– Мне пора. Хаас ждет результатов моего анализа. Подумайте о том, что я сказала, доктор Морозова. И о том, на чьей стороне вы хотите быть, когда начнется новая эра.

Когда Ана ушла, Елена осталась стоять неподвижно, пытаясь осмыслить полученную информацию. Ситуация оказалась еще сложнее и опаснее, чем она предполагала. Хаас не просто изучал технологию атлантов – он активно стремился к её полной активации, к завершению процесса, природу и последствия которого он сам не до конца понимал.

И она, со своей уникально быстрой трансформацией, могла быть ключом к этому процессу.

Елена подошла к компьютеру и начала быстро копировать все свои данные на защищенный носитель. Ей нужно было поговорить с Алексом, рассказать ему о признаниях Аны и раз-

работать план действий. Время работало против них – её трансформация прогрессировала, активность купола усиливалась, а Хаас и его группа приближались к своей неизвестной цели.

Интуиция подсказывала ей, что предстоящая исследовательская миссия станет поворотным моментом. И она должна была быть готова к любым неожиданностям – как внешним, так и внутренним.

Глава 5: «Погружение»

Алекс придирчиво осматривал глубоководный костюм, проверяя каждый шов, каждое соединение, каждый клапан системы жизнеобеспечения. В отсеке подготовки к погружениям базы «Тритон» царила деловитая атмосфера: техники проверяли оборудование, оперативники Стивенса проводили финальную подготовку оружия, модифицированного для подводных операций, а научный персонал калибровал чувствительные приборы для сбора данных.

До начала миссии оставалось меньше часа.

– Ты всегда так тщательно проверяешь снаряжение? – спросила Елена, подходя к нему со своим костюмом, уже готовым к надеванию.

– Всегда, – коротко ответил Алекс, не отрываясь от работы. – На глубине пятисот метров небольшая неисправность может стать фатальной. Доверяй, но проверяй – особенно когда речь идет об оборудовании, от которого зависит твоя жизнь.

Елена кивнула, наблюдая за его методичными действиями:

– Разумная предосторожность. Хотя я заметила, что ты готовишься к этой миссии с особым вниманием к деталям.

Алекс поднял взгляд, встретившись с её глазами:

– Потому что эта миссия отличается от других. Мы столкнулись с технологией, которая может изменять саму биологическую сущность человека. Обычные протоколы безопасности могут оказаться... неадекватными.

Он понизил голос до шепота:

– Как твое состояние?

– Стабильно прогрессирует, – так же тихо ответила она, машинально потирая предплечье, где под слоем грима скрывались голубоватые линии. – Но есть кое-что странное. Посмотри.

Елена отвела его к небольшому закутку, где их не могли увидеть остальные члены команды, и закатала рукав. Сеть голубоватых линий стала заметно гуще, образуя сложный паттерн, похожий на схему электронной платы. Но что действительно привлекало внимание – это абсолютное отсутствие следов порезов и ушибов, полученных во время аварии мини-субмарины.

– Полная регенерация за менее чем 72 часа, – прокомментировала Елена. – И не просто заживление – кожа восстановилась без каких-либо рубцов или следов. Будто повреждений никогда не было.

Алекс внимательно рассматривал её руку:

– Невероятно. Какие еще изменения ты заметила?

– Повышенная выносливость, обостренное зрение, особенно в условиях низкой освещенности. Я стала лучше ориентироваться под водой – почти инстинктивно чувствую течения, давление, направление. И еще... – она замялась.

– Что?

– Ощущение связи. С куполом. Оно усиливается. Я чувствую его... присутствие, пульсацию. Как будто он зовет меня.

Алекс нахмурился:

– Это может быть опасно. Если купол каким-то образом влияет на твое сознание...

– Я в полном контроле, – уверенно сказала Елена. – Мои когнитивные функции не нарушены. Это скорее... новый сенсорный канал. Как если бы я вдруг начала видеть ультрафиолет или слышать ультразвук.

– И все же, будь предельно осторожна, – настаивал Алекс. – Особенно когда мы приблизимся к куполу. Если почувствуешь, что теряешь контроль...

– Я немедленно дам тебе знать, – закончила она, опуская рукав. – Но, Алекс, это также наше преимущество. Моя трансформация может помочь нам лучше понять технологию атлантов.

– Или сделать тебя более уязвимой для её воздействия, – возразил он. – Не забывай, что Хаас и Ана имеют свои планы. Если ты действительно ключ к какому-то аспекту этой технологии, они могут попытаться использовать тебя.

Прежде чем Елена успела ответить, в отсеке раздался командный голос майора Стивенса:

– Внимание всем участникам миссии! Предстартовый брифинг через пять минут.

Они вернулись к основной группе. Стивенс стоял у голографического проектора, демонстрирующего трехмерную модель купола атлантов и окружающей территории. Рядом с ним расположились двое его людей: массивный лейтенант Джексон и компактная женщина с короткими светлыми волосами, которую Алекс ранее не видел.

– Это сержант Кира Рамирес, – представил её Стивенс. – Специалист по взрывчатым веществам и подводным диверсиям. Она присоединится к нашей команде.

– Взрывчатка? – нахмурилась Елена. – Это исследовательская миссия, майор, а не военная операция.

– Это подготовка к любым непредвиденным ситуациям, доктор Морозова, – холодно ответил Стивенс. – Если понадобится экстренная эвакуация или необходимо будет расчистить путь через завалы... или нейтрализовать угрозу.

Алекс заметил, что Рамирес изучала Елену с профессиональным интересом – возможно, ища признаки трансформации. Похоже, Стивенс проинформировал свою команду о потенциальных «зараженных» среди научного персонала.

– Перейдем к плану миссии, – Стивенс активировал детализированную проекцию купола. – Мы погрузимся на мобильной платформе «Мако» до точки входа, обозначенной здесь, – он указал на область в северной части купола. – По данным предыдущей разведки, эта структура похожа на шлюз или вход.

– Почему именно эта точка? – спросил Алекс. – Предыдущие погружения не обнаружили явных входов в купол.

– Новые данные от доктора Хааса, – пояснил Стивенс. – Их анализ энергетических сигнатур показал, что эта часть конструкции имеет иную структуру, возможно, предназначенную для доступа внутрь.

Елена и Алекс обменялись быстрыми взглядами. Хаас не упоминал об этом открытии на общем брифинге.

– По прибытии, – продолжал Стивенс, – мы разделимся на две группы. Первая группа: я, доктор Морозова и Рейнер, проведем непосредственный осмотр предполагаемого входа и попытаемся получить доступ внутрь купола. Вторая группа: Джексон и Рамирес, обеспечат периметр и будут готовы к поддержке или экстренной эвакуации.

– Какие конкретные научные цели миссии? – спросила Елена.

– Сбор образцов материала купола, – ответил Стивенс. – Анализ структуры «входа», если таковой действительно существует. И, если возможно, исследование внутреннего пространства конструкции с целью идентификации источника энергетического поля и трансформирующих частиц.

– А если купол отреагирует агрессивно на наше вторжение, как в случае с «Нептуном»? – спросил Алекс.

– Тогда мы немедленно отступаем, – твердо сказал Стивенс. – Безопасность команды – приоритет. Мы не будем рисковать ради научных данных. Вопросы?

Вопросов не было, и Стивенс кивнул:

– Тогда приступаем к финальной подготовке. Погружение через 30 минут.

Команда разошлась для завершения приготовлений. Алекс задержал Елену за локоть:

– Мне не нравится эта внезапная находка Хааса. Почему он не поделился этой информацией раньше?

– И почему она появилась именно сейчас, когда Хааса отстранили от полевой работы? – добавила Елена. – Слишком удобное совпадение.

– Возможно, он пытается таким образом контролировать миссию, – предположил Алекс. – Направить нас в определенную точку по своим причинам.

– Или подвергнуть определенных людей воздействию купола, – Елена многозначительно посмотрела на Стивенса, который проверял своё оружие – модифицированный гарпунный пистолет с электрошоковыми боеприпасами.

– Будем действовать с предельной осторожностью, – решил Алекс. – И держаться вместе, независимо от обстоятельств.

Мобильная подводная платформа «Мако» была впечатляющим образцом современной морской инженерии – гибрид батискафа, исследовательской лаборатории и боевой платформы. Её обтекаемый корпус был изготовлен из композитных материалов, способных выдерживать экстремальное давление глубин. Мощные прожекторы прорезали густую тьму океанских глубин, а гидролокаторы составляли трехмерную карту окружающего пространства в реальном времени.

Команда разместилась внутри, каждый на своей позиции: Алекс у вспомогательных систем управления, Елена у научных консолей, Стивенс на месте командира, а Джексон и Рамирес у оружейных систем и аварийного оборудования.

– Проверка связи, – скомандовал Стивенс через встроенную в шлем систему коммуникации. – Все каналы активны?

– Рейнер на связи, – отозвался Алекс.

– Морозова на связи, – подтвердила Елена.

– Джексон на связи.

– Рамирес на связи.

– Отлично, – Стивенс активировал связь с базой. – «Мако» вызывает «Тритон». Запрашиваем разрешение на погружение.

– «Тритон» на связи, – раздался голос Хоука. – Погружение разрешено. Удачи, «Мако».

Шлюзовая камера наполнилась водой, и внешние двери открылись, выпуская «Мако» в темные воды Бермудского треугольника. Платформа начала плавное погружение, направляясь к куполу атлантов, чей силуэт уже был виден в свете прожекторов – гигантская полусферическая структура, возвышающаяся над дном океана.

– Расчетное время прибытия – 12 минут, – объявил Стивенс, проверяя показания навигационных систем. – Доктор Морозова, ведите непрерывный мониторинг энергетической сигнатуры купола. При любых изменениях докладывайте немедленно.

– Принято, майор, – ответила Елена, настраивая сенсоры. – На данный момент активность стабильна, но интенсивность выше, чем при предыдущих измерениях. Купол продолжает... «просыпаться».

По мере приближения к куполу, его детали становились все более отчетливыми. Поверхность, казавшаяся издали гладкой, при ближайшем рассмотрении оказалась покрыта сложным узором рельефных линий и символов, светящихся тусклым голубоватым светом. Эти линии образовывали сложные геометрические паттерны, напоминающие схемы электронных цепей, но с органическими, плавными формами.

– Поразительно, – прошептала Елена, изучая данные с сенсоров. – Структура излучает слабое электромагнитное поле, но оно имеет характеристики, которых я никогда не видела раньше. Как будто... поляризованное биоэлектричество.

– Что это значит на человеческом языке? – спросил Джексон.

– Это значит, что мы имеем дело с технологией, которая одновременно электронная и биологическая, – пояснила Елена. – Не киборгическая – не механические части, соединенные с органическими, а нечто цельное – материя, которая одновременно является и живым организмом, и машиной.

Алекс внимательно изучал проекцию купола на главном экране:

– Майор, я предлагаю сначала облететь структуру по периметру, прежде чем приближаться к предполагаемому входу. Это даст нам более полное представление о её состоянии.

Стивенс помедлил, затем кивнул:

– Разумное предложение. Меняем курс для кругового облета купола. Минимальная дистанция – 50 метров до поверхности.

«Мако» начала обходить купол по широкой дуге. По мере движения, команда фиксировала все больше деталей. Основание купола было частично погружено в донный ил, но сквозь отложения проступали очертания массивных колонн или опор, поддерживающих всю конструкцию. В некоторых местах виднелись меньшие купола – спутники центрального, соединенные с ним извилистыми туннелями.

– Это целый город, – произнесла Елена с благоговением. – Не просто отдельное сооружение, а комплекс взаимосвязанных структур. Мы видим лишь верхушку гораздо более обширной подводной цивилизации.

– Большая часть, похоже, погребена под илом, – отметил Алекс. – Тысячелетия отложений... Этот комплекс мог быть построен задолго до известных нам древних цивилизаций.

– Вижу предполагаемую точку входа, – объявил Стивенс, когда они приблизились к северной части купола. – Изменение текстуры поверхности, более регулярная структура, похоже на...

– Шлюз, – закончила за него Рамирес. – Очень похоже на герметичный шлюз для перехода между средами различного давления.

На поверхности купола действительно виднелась область, отличающаяся от основной структуры. Вместо сплошного покрова символов и линий, здесь материал формировал концентрические окружности, напоминающие диафрагму или радиальные двери. В центре этой структуры располагалось углубление, излучавшее более интенсивное голубоватое сияние.

– Подтверждаю повышенную энергетическую активность в этой точке, – сообщила Елена, анализируя показания приборов. – Это определенно не просто архитектурный элемент. Здесь концентрируется энергетическое поле купола.

– Мы приблизимся для более детального осмотра, – решил Стивенс. – Рейнер, будь готов немедленно отступить, если заметишь признаки активации защитных систем.

– Принято, – Алекс активировал аварийные двигатели, держа пальцы на пульте управления.

«Мако» медленно приближалась к предполагаемому входу, осторожно маневрируя с помощью боковых двигателей. Когда они оказались в 20 метрах от поверхности купола, Елена внезапно напряглась, её рука непроизвольно потянулась к виску.

– Что-то происходит, – сказала она напряженным голосом. – Я чувствую... изменение в паттерне поля. Оно как будто фокусируется на нас, сканирует.

– Приборы подтверждают изменение характеристик поля, – сообщил Алекс, изучая данные. – Но никаких признаков агрессивной активации. Кажется, оно действительно просто... изучает нас.

– Продолжаем сближение, – скомандовал Стивенс. – Но будьте готовы к немедленному отходу по моей команде.

Когда «Мако» приблизилась на расстояние 10 метров, произошло неожиданное: концентрические круги на поверхности купола пришли в движение, начав медленно расходиться от

центра, как открывающийся глаз. Под ними обнажилась мембрана – полупрозрачная поверхность, пульсирующая голубоватым светом, через которую смутно виднелось внутреннее пространство купола.

– Невероятно, – выдохнула Елена. – Оно отреагировало на наше присутствие. Оно... открылось для нас.

– Или это ловушка, – мрачно заметил Джексон. – Приманка для привлечения добычи.

– Анализирую состав мембраны, – Елена активировала дополнительные сенсоры. – Это... невозможно. Она одновременно демонстрирует свойства органической ткани и металлического сплава. Проницаемая для определенных длин волн света, но, судя по всему, способная выдерживать огромное давление.

– Можем ли мы пройти через неё? – спросил Стивенс.

– Теоретически – да, – ответила Елена. – Её структура предполагает возможность прохода для объектов, не нарушая целостность барьера. Как клеточная мембрана, пропускающая определенные вещества через себя.

– Или как клетки крови, проходящие через стенки капилляров, – добавил Алекс. – Но «Мако» слишком велик. Нам придется использовать индивидуальное снаряжение.

Стивенс обдумал ситуацию, затем принял решение:

– Мы действуем согласно плану. Первая группа – я, Рейнер и доктор Морозова – попытается проникнуть внутрь. Джексон и Рамирес останутся здесь, обеспечивая связь и готовность к эвакуации. Приготовьте глубоководные костюмы.

Команда начала готовиться к выходу. Индивидуальные глубоководные костюмы представляли собой высокотехнологичные скафандры, оснащенные системой рециркуляции кислорода, терморегуляцией и усиленной защитой от давления. Каждый костюм был дополнительно оборудован небольшими двигателями для маневрирования в воде, системами связи и навигации.

Алекс помог Елене застегнуть последние крепления её костюма:

– Ты уверена, что готова к этому? – тихо спросил он.

– Более чем когда-либо, – ответила она, и в её глазах Алекс заметил странный блеск – смесь научного энтузиазма и чего-то более глубокого, почти мистического. – Я должна увидеть, что внутри. Понять, что это за технология.

– Просто помни – мы там не для того, чтобы стать частью её эксперимента, – напомнил Алекс. – Мы наблюдатели, исследователи, не подопытные.

Елена кивнула, но Алекс не был уверен, насколько она действительно приняла его предостережение. Трансформация уже повлияла на неё, возможно, глубже, чем она сама осознавала.

Через шлюзовую камеру «Мако» три фигуры в глубоководных костюмах вышли в открытые воды. Мощные прожекторы платформы освещали путь к мембране купола, которая теперь полностью обнажилась, образуя овальный проход диаметром около четырех метров.

– Держимся вместе, – скомандовал Стивенс через коммуникатор. – Двигаемся медленно, без резких движений. Доктор Морозова, вы фиксируете все данные?

– Подтверждаю, – ответила Елена, активируя записывающие устройства на своем костюме. – Все сенсоры работают на максимальной чувствительности.

Они приблизились к мембране, зависнув перед ней на расстоянии нескольких метров. Вблизи она выглядела еще более фантастически – полупрозрачная поверхность с переливающимися оттенками синего и зеленого, пронизанная сетью тонких линий, пульсирующих в едином ритме, напоминающем сердцебиение.

– Как мы проходим через неё? – спросил Алекс. – Просто... толкаем?

– Нет, – Елена покачала головой. – Судя по её структуре, она реагирует на определенные стимулы. Возможно, электромагнитные или биохимические сигналы.

Она протянула руку к поверхности мембраны, но Алекс остановил её:

– Что ты делаешь?

– Проверяю теорию, – спокойно ответила Елена. – Моё тело уже подверглось частичной трансформации. Возможно, мембрана распознает изменения и позволит мне пройти.

Прежде чем Алекс успел возразить, Елена осторожно коснулась поверхности мембраны кончиками пальцев. Произошло нечто удивительное: мембрана не просто расступилась перед её рукой, а будто потекла вокруг неё, обволакивая перчатку костюма тонким слоем светящейся субстанции.

– Невероятно, – прошептала Елена. – Она не просто пропускает меня, она... взаимодействует. Я чувствую слабые электрические импульсы, даже через костюм.

Она продвинула руку дальше, погрузив её в мембрану по локоть. Светящаяся субстанция продолжала обволакивать её конечность, но не препятствовала движению.

– Путь свободен, – сообщила Елена. – Мембрана пропускает через себя, не нарушая целостности костюма и не оказывая сопротивления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.